

Лариса Барабанова

Город дивных
историй:
Свет и Тьма

16+

Лариса Барабанова

Город дивных историй: Свет и Тьма

<https://litres.ru/74700543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Противостояние Света и Тьмы, начавшееся на заре времён, требует завершения. Древние боги и герои сказок, живущие в современном городе, не готовы к новой битве – но она уже приближается. Среди старых обид и новых знакомств, ссор и примирений, ненависти и любви. Перун, Лада, Ярила, Локи, Жар-птица, Снегурочка, сёстры Яги, Серый, домовые, лешие, русалки и даже кошки – всех закрутил хоровод страстей. Но и это не всё: жертвы столкновений Света и Тьмы жаждут мщения. Каким же будет финал битвы?

Содержание

Два сердца	5
После хэппи-энда	10
Девять жизней	17
Почти родные персонажи	22
Мыши в сметане	28
Обещания	35
Лиха беда начало!	43
Доброе дело, между прочим!	50
Живучее племя	57
Не седьмая вода	64
Кофе	70
Кошачья легенда	77
Золото	83
Дочь Кощея	90
Сны	97
Путь к сердцу...	104
Тишина	110
Тени	116
Тайна	123
Ноша	128
День кошачьих (и не только) забот	138
Собственной персоной	147
Немного о рогах	154

С точки зрения таракана	158
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Лариса Барабанова

Город дивных историй: Свет и Тьма

Два сердца

Новый год – шанс изменить свою жизнь. В этом отношении 2024-й подарил человечеству уникальный подарок, начавшись с понедельника. Каждый хоть раз обещал себе что-то хорошее, правильное начать с первого дня недели. Но уж если с него стартует ещё и месяц, а тем паче год, то тут отвертеться не получится. Если ты действительно что-то хочешь изменить, конечно.

В одной из безликих многоэтажек Нижнего Новгорода¹ первого января проснулись двое совершенно потерянных... Как бы их назвать? Людьми – нельзя, потому что человек-то среди них был один. А второй была богиня. Самая настоящая, хотя в неё многие и не верили, отвергая начисто её существование. Назвать находящихся в квартире парой тоже не получается: они расстались несколько месяцев назад, и

¹ Нижний Новгород (с 7 октября 1932 по 22 октября 1990 года — Горький) — город в центральной России, административный центр Приволжского федерального округа и Нижегородской области.

неловкость, которая тяжёлым мороком повисла между ними, становилась всё более заметной. Так что давайте так: в квартире проснулись двое.

Вернее, трое, если считать кота. Который отринул панибратскую кличку «Проша» и намеревался отныне зваться Прохором, если двуногие догадаются о таковом его пожелании. С этим котом приходилось считаться. А как иначе? Он пережил битву Света и Тьмы², побывал за завесой, отделявшей жизнь от смерти, и теперь считал себя не менее крутым, чем его двоюродный дядя Баюн. Да и до той поры Проша без дела не сидел... Только вот не всё получалось, надо прямо признать. Свою голову, как говорится, не приставишь, и уж если вздумалось его хозяйке Ладе³ рыжему обманщику покориться, то хоть о стенку расшибись, а ничего не поделаешь.

Зато теперь появился шанс на то, что Никита, победитель самого Зверя-Велеса, свою богиню вернёт. И это Про...хору было по душе. Хороший парень, как раз для Лады. Названный внучок Йогини, опять-таки. Кот специально забился в дальний угол, чтобы, как говорится, не отсвечивать. Пусть любовь свою вспоминают... Да только не срасталось ничего у них. Не пытались даже. Проснулись в разных комнатах, ров-

² Здесь и далее упоминаются события, описанные в романе Л.Барабановой «Город дивных историй».

³ Лада — по мнению некоторых исследователей, божество в славянской мифологии; богиня весны, весенней пахоты и сева, покровительница брака и любви. Однако большая часть учёных считает Ладу плодом «кабинетной мифологии», научной фикцией.

но чужие, и глядеть друг на друга боятся. Да что это с ними?!

Кот вспомнил, как приятно было ему начинать жить в этой квартире. Тогда Лада только-только взяла его к себе, а Никита приходил как бы невзначай. По хозяйству помочь, то-сё. Да так однажды и остался. Казалось, что насовсем. От Ладиных чувств кусты роз под окном цвели сумасшедше, разве что яблоки на них не выросли. Да и сам Проша вымахал скоро из дымчато-серого комочка в приличных размерах кота, под стать своему батюшке. Наверное, он мог даже не есть – сам воздух в квартире был как будто сытен. Вокруг разливалось счастье, которое можно было бы назвать божественным. А на такой подкормке немудрено расти.

Проша, наверное, первым почувствовал, что всё изменилось. Рыжий появился в мыслях Лады даже раньше, чем в снах, и это отражалось на общей атмосфере. Розы завяли. Конечно, виной могла быть жара. И то, что цветы забывали поливать (все соседки были уверены, что этим занимается Лада, и не утруждали себя тасканием вёдер с водой). Но Проша-то понимал, что тут нечисто... Счастье ушло. Улетучилось, будто его и не было. А Лада стала нервной, не могла места себе найти.

Отчего же Прохору сейчас не давали покоя эти мысли? Оттого, вероятно, что не вернулось счастье-то. Все слагаемые есть: вон – Лада, вон – Никита, вот и он сам, наконец. Да воздух почему-то не пуст даже, а наполнен той самой неловкостью, от которой не то что расти – жить не хочется. «Чего

это вы?» – хотел спросить Прохор. Да не понимали двуногие кошачий, так и не выучили. Приходилось объяснять на лапах.

Подошёл кот к Ладе, об ноги её потёрся: ты, мол, там живая или как? Наклонилась богиня, рассеянно погладила. И – молчок. От руки её не тепло шло – холод. Прохор даже поёжился. Может, не совсем очухалась ещё? Её ведь вроде ранили, чуть не с того света достали.

Побрёл кот к Никите, на колени к нему запрыгнул... Да как зашипит! Это что же такое?! Не бывает так у людей! Заволновался Прохор, с коленей Никитиных спрыгнул, за диван спрятался. Смотрит со стороны: вроде бы всё тот же человек. Ну, усталый. Оно и немудрено. Но дело-то ведь не в том, что притомился на поле брани богатырь. Эка невидаль! А в том вся штука, что в груди у него стук двух сердец раздаётся.

Решил присмотреться-прислушаться Прохор. Вдруг и не Никита это? Может, худое что с ним приключилось, с прежним хозяином? Тогда надо Йогиню, благодетельницу кошачью да собачью, на ноги поднимать. А ну как сбежала с поля боя Тьма в образе Никитином? Но оказалось по-иному.

Сидел-сидел кот, да и высидел кое-что любопытное. Услышал он, как шепчет Никита:

– Что же, Анна? Видать, вместе нам теперь быть?

И замолкает богатырь, прислушивается. Чей-то ответ ловит. А потом снова голос подаёт:

– Я-то, пожалуй что, и не против. Да каково тебе-то в теле мужском?

Опять молчание. Никита голову наклонил: точно, прислушивается!

– Вот и хорошо. Может, оно и к лучшему. Подскажешь мне, что делать? А то я вконец запутался...

Словно бы по телефону говорит. Только вот руки пусты и даже наушников не видно. И так от этого жутко – хоть вон беги!

– Сама она сказала, что любит только меня, – снова заговорил Никита. Прохор понял, что это он про Ладу. – Я с ней сюда приехал, а она смотрит как чужая! И говорить со мной не желает.

И снова – молчок. Кот уши наострил. И, понятно, не поверил им, когда услышал:

– Да, ты права. Надо уходить.

Так оно и случилось: поднялся Никита – и к двери. Подобрал там свои доспехи и меч... Поминай теперь, как звали-величали! Хлопнула дверь, а Прохор к миске побежал. Перво-наперво, конечно, попить. А потом уж Йогине сообщать, что у них тут происходит.

Что ни говори, а год начинался диковинно. Чуднее некуда.

После хэппи-энда

Новый год в семье с детьми – это испытание. Родители проверяются на прочность. Наконец-то выспаться? Поваляться на диване? Почитать в удовольствие книгу или посмотреть сезон-другой любимого сериала? Нет, нет и нет, если ваши дети ещё не достигли школьного возраста. Да и те, кто постарше семи, могут подбросить пару-другую сюрпризов.

Конечно, бывают и абсолютно счастливые семьи, которые, начиная с совместного приготовления полезных салатов и украшения пушистой ёлочки и заканчивая совместной же уборкой, проводят свободную от работы неделю максимально сплочённо, радостно и великолепно. Про них ещё снимают рекламу. Они – мифические существа. Навроде единорогов.

А вообще после новогодних каникул вполне реальные родители бегут на работу рысцой. Даже самые любящие. Потому что, чтобы соскучиться, надо хотя бы какое-то время не видеться. А ведь бывает и так, что дети все праздники болеют – валяются с температурой, кашляют, чихают... И тогда родители превращаются в сиделок. Но и это ещё не худший вариант.

На 17-м этаже сравнительно новой многоэтажки завелись нетипичные проблемы. Вылупились, можно сказать. Потому

как в квартире на верхнем этаже располагалось гнёздышко Жар-птицы по имени Лина. Обитала она там сначала вместе с Иванушкой-дурачком, обзавелась двумя птенчиками, а потом одна их холила-лелеяла, потому что нечего было супругу сладострастному на пав чужих засматриваться. Особенно если у тебя Жар-птица в жёнах. Спалила Лина муженька в сердцах – да и не жалела о том. После уж в гнёздышке новый жилец появился, тоже не из простых. Бог Белого света Святovit⁴, ни много ни мало. А дальше так всё завертелось-закружилось, что и не рассказать! Достаточно упомянуть, что закончилось дело битвой, в которой и Жар-птица уцелела, и все её родные да близкие (Иванушка-дурачок не в счёт). Счастливый конец, в общем. Хэппи-энд.

Но вот в чём беда: только фильм заканчивается титрами. Да и то в последнее время частенько после них новые сцены вставляют – то ли ещё будет, мол! А в жизни-то так всегда и бывает. Не успело одно прекратиться, как уже другое на подходе. Так и вышло у Жар-птицы с её птенчиками. И, понятно, со Святотом. Жить бы да поживать, добра наживать, а тут – на тебе!

Лина, на битву отправляясь, не знала, что погибнуть должна. Скрыли от неё, что все предыдущие женщины, Жар-птицу в себе вместившие, сгорали в пламенном объятии со злодеем. Смогли в последний момент уберечь и Лину, и

⁴ Свентовит, Святотит, Световик, Светич — бог Белого света, верховный бог западно-славянского пантеона, бог-всадник, сражающийся с Тьмой.

Жар-птенчика Петю, и даже помогавшего им богатыря Никиту. Да, обгорели герои, но в живых остались. Можно было выдохнуть. Помянув предварительно добрым словом Жар-птицу и огонь Сварогов, её питавший. Она-то сгорела дотла... Вернее, все были поначалу в этом уверены.

Лина, обуздавшая Жар-птицу ещё перед битвой, верх ей взять над собой не дала. А теперь и вовсе легко было – некого больше в клетке держать, можно пожить спокойной, обычной жизнью. С тех самых пор, как в школе Галине птица мифическая проявилась, не было девке покоя. А его он как хотелось! И вот теперь – свобода. Можно на работу новую устроиться и быть уверенной, что не придётся просить об увольнении по телефону полумёртвым от страха голосом. Можно злиться, не переживая о том, что вспыхнешь и на смерть кого-нибудь перепугаешь ненароком (или вообще – спалишь). А можно... Замуж выйти. Почему бы и нет?

Фата и белое платье – слишком наивно для той, кто пережил битву Света с Тьмой и играл в ней не последнюю роль. Или нет? Впрочем, платье может быть любым. Это может быть даже юбка. Или джинсы. Главное – узаконить отношения с любимым человеком. То есть богом, конечно. Но для закона Свят был всё же мужчиной средних лет в самом расцвете сил. Почти как Карлсон. И Лина вполне могла стать женой этого гражданина. Ладу можно было бы позвать как свидетельницу. И Свят бы кого-нибудь пригласил: Перуна, например, или Никиту. Вряд ли Ярилу, потому что до сих

пор на него злился, а в остальном потенциальное бракосочетание выглядело вполне мило.

Тут была маленькая загвоздка: Лину пока замуж никто не позвал. То есть Свят много раз давал понять, что будет рядом. И говорил о своей любви. Но при этом само собой разумелось, что до битвы говорить о дальнейшей жизни не стоит – как бы не сглазить. И теперь Лина каждый миг ждала предложения руки и сердца. Не с замиранием сердца, а спокойно. Знала – оно будет.

Интересно, бывают ли у богов дети от смертных? В древнегреческих мифах вроде были. А как с этим у славян? Лина пообещала себе раздобыть эту информацию. На всякий случай. Конечно, дети у неё уже были, но... Где двое, там и трое, разве нет? Лина немного соскучилась по крохотным детским пальчикам, по запаху младенческой макушки – и по материнскому умиротворению, конечно.

И тут о себе напомнили её птенчики. Благополучно вернувшиеся с поля битвы Лина, Свят, Настя и Петя сидели дома уже третий день, потому что природа решила ознаменовать наступление нового календарного года зверскими холодами. А может быть, так она справляла поминки по Морозу? Поди знай! Как бы то ни было, торчать дома потихоньку начало надоедать. Дети ходили на головах, разве что не по потолку. Лина чувствовала слабость, её донимало низкое давление, мучили головные боли... Она сразу решила, что так приходится расплачиваться за свободу от Жар-птицы и

Сварогова огня. Что ж, не такая уж высокая цена. Только бы так не кричали дети! Затылок наполнила тупая боль, а воздух, казалось, накалился до предела. Почему так жарко?

Лина подняла тяжёлую голову и удивилась, что она в комнате одна – даже Свят, только что сидевший рядом, исчез. Громкий плач доносился из соседней комнаты, и он, кажется, был Петиним. И тут воздух прорезал клёкот. Лина дёрнулась от внезапного приступа боли, похожего на выстрел. «Не может быть! Не может!» Она заставила себя встать и на ватных, непослушных ногах выйти в коридор. Оттуда до детской рукой подать...

Она увидела то, о чём догадалась по знакомым звукам: посреди угловой комнаты стояла Настя, с головы до ног покрытая золотыми перьями. Руки её уже превратились в крылья, нос и рот – в острый клюв. Казалось, она вот-вот вспыхнет. Лина собрала себя в некое подобие адекватного человека моментально. Рассыпаться на мелкие крупички боли она сейчас не могла себе позволить.

– Настя, доченька, кто тебя обидел?

Злобный взгляд и клёкот в сторону брата. Петя, не переставая реветь, непослушными пальцами пытался прикрепить голову куклы Маси к шее. Лина, осторожно пройдя мимо дочери, подошла к сыну и молча взяла у него из рук части тела резиново-пластиковой «внучки». У девочек умение «лечить» кукол навсегда остаётся где-то чуть ли не на уровне заводских настроек. Ррраз – и Маша снова при голове.

Лина показала Насте куклу, немного подёргав ту за волосы, чтобы показать: всё без обмана. И сама при этом увидела Свята, который, обхватив голову руками, сидел в углу за диваном. Так вот где он!

– Настя, ты не удержишь Масю крыльями. Превращайся обратно, тогда и возьмёшь, – как можно спокойнее, будничнее произнесла Лина.

Её слова прорезали горячий, словно от утюга, воздух и достигли ушей, а главное – мозга новоявленной Жар-птиченьки. Та, с сомнением прищулив глаза, повела головой сначала в одну, потом в другую сторону, но в конце концов кивнула. Обратное превращение в девочку было почти мгновенным. Лина протянула дочери куклу, а потом с вымученной, жалкой улыбкой сказала:

– Детки, сможете принести мне стакан воды и... мармеладку?

– А мне можно? – поинтересовался пришедший в себя окончательно Петя.

– Конечно, милый. И тебе тоже, Настенька. Идите.

Каждая мама знает: если послать детей за сладким, быстро они не вернутся. Если запасы вкусняшек не слишком малы, конечно. Так Лина выиграла время для того, чтобы поговорить со Святом. Она подошла и обняла его, шепнув:

– Всё в порядке?

– Что происходит, Лин? Почему? Она должна была исчезнуть! Жар-птица появляется раз в сто лет, разве нет? – глухо

спросил Свят.

– Откуда я знаю? – пересохшими губами прошептала Лина. – Ты видел, как она превратилась?

– Да. В один миг. Я пришёл, чтобы успокоить их, а тут... Это прекратится когда-нибудь?

Лина, не веря себе, смотрела на того, кто обещал быть ей и детям поддержкой и опорой. Того, кто собирался защищать их ценой собственной жизни. Что с ним случилось? Свят казался сломленным, потерянным, растоптанным... Вот только чем?

Дети вернулись: Петя нёс заляпанный мутными отпечатками пальцев стакан с водой, Настя – одну-единственную мармеладку, немного надкусанную сбоку. Лину всё это не смутило. Она забросила сладость в рот и запила. Ей нужны были силы на то, чтобы справиться со всем этим. С тем, что часто наступает после хэппи-энда, – с реальной жизнью.

Девять жизней

Посвящается памяти Кузи

Говорят, есть на небе радуга, на которую попадают все поправившиеся с белым светом питомцы. Кот узнал об этом из ВК, когда Йогиня (а тогда ещё – Яга-младшая) обшаривала ленту в поисках новостей про пристроенных ею усадых. Он сначала даже не понял, что значит это самое «ушёл на радугу», но, услышав горестный вздох своей благодетельницы, уразумел, о чём речь.

Кот топтал землю не первый век, и как-то никогда не задумывался до этого момента, куда уходят остальные кошачьи. Может быть, туда же, куда и их люди? А те, у кого не было двуногих? Загадка! Спрашивать хозяйку не стал. Да и разве так уж это важно было? Сам Кот мнил себя бессмертным – таким же, как Яга-младшая. До того самого момента, как старшая сестра его благодетельницы не вышибла из него, да и из Пса заодно, дух. Тогда-то Кот и понял, что путь его конечен. Да, хозяйка почти тут же вдохнула в него жизнь, но всё же...

Говорят, у котов и кошек по девять жизней. Выходит, осталось не так уж и мало. А с другой стороны – не так уж и много. Здесь неаккуратно дорогу перебежал, тут несвежую мышшь съел, вот уже и меньше. Не успеешь оглянуться – последняя останется. А дальше что? Куда?

Кот получил ответ на этот вопрос во время битвы. Именно он был автором идеи взять на abordаж ступу Яги-старшей. Слепая старуха с обездвиженными руками – лёгкая добыча для трёх немаленьких котов. Конечно, умирать никто не собирался. Вывести злодейку из строя и тем самым помочь Йогине – вот и весь план. Когда терзаемая когтями и клыками карга топнула ногой, а послушная ей ступа ухнула вниз, Кот попытался сгруппироваться и приземлиться на все четыре лапы. Но от удара о мёрзлую землю и его, и Прошу, и Баюна⁵ выбросило – и дальше в памяти ничего не было, кроме дикой боли. Но она длилась лишь мгновение и сразу же сменилась отсутствием всяких ощущений.

Прикрыв глаза, Кот потом в любой момент мог увидеть встающую перед внутренним взором картину: посреди крошечной черноты сверкает луч. Нет, не как у фонарика. Это удивительно, но свет, прорезавший тьму, переливается. Говорят, что кошки умеют различать не все цвета, которые способен видеть человек. Но желтоватый, зелёный, синий и фиолетовый Кот разглядел. Наверное, это была она – радуга.

Кот нерешительно отправился туда. Сначала боялся: кажется, лапы у него были переломаны. Но здесь, в темноте, не было боли. И он ускорился. Интересно же, что там! И кто. Каждый день уходят из жизни питомцы... Сколько же их должно быть там, на радуге!

⁵ Кот Баюн — персонаж славянских волшебных сказок, обладающий волшебным голосом.

Наверное, где-то рядом шли Баюн и Проша, но Кот не оглядывался. Догонят! Он чувствовал: этот путь он должен пройти сам. Один. Наверное, где-то на этой радуге его мама – кошка, которой давно нет на свете. Братья и сёстры тоже заждались его. Из всего помёта только он попал к Яге-младшей и благодаря её заботе прожил столько веков.

За долгую жизнь его хозяйка пристроила не одну тысячу котов и кошек. Большинство из них тоже уже здесь. Так что заочных знакомых у Кота тут хоть отбавляй. И вот ещё: если ли на радуге мыши? Хотя, с другой стороны, если нет печки и никто не запекает грызунов в отборной сметане, зачем они нужны?

Переливающийся свет уже не был лучом: он струился широкой дорогой, на которой смутно угадывались кошачьи силуэты. А вон – собачьи, чуть в стороне. Что ж, Кот был не против. Его лучшим другом в последнее время был Пёс, и было бы здорово проводить здесь время вместе. Потом, конечно: Кот уговорил его остаться в ступе Йогини и охранять ей. Так что Пёс-то, наверное, жив...

«Откуда здесь вода?» – пробормотал вдруг Кот, почувствовав влагу на морде. Конечно, радуга бывает после дождя, но она ведь уже есть. Вон там, впереди, чуть-чуть осталось. Кот отряхнулся и продолжил шагать. Но морда снова стала мокрой, особенно нос и усы. Неприятно! Брррр!

До Кота вдруг дошло: всё это ему снится. Он лежит возле печки, погрузившись в глубокую дрему, а Пёс своим паху-

чим языком принялся его умыть!

– Фу! Сколько раз говорил тебе – я моюсь сам! – пробормотал Кот. И очнулся.

Вокруг не было ни печки, ни вообще уютной квартиры номер 13. Зато были холод, снег – и солёная вода. Нечасто Коту приходилось видеть свою благодетельницу плачущей. И тут он понял: он действительно умер – но воскрес. Откачали его Йогиня и Пёс. А потом и Проша открыл глаза. Последним пришёл в себя Баюн, и двоюродный братец даже поймал отблеск сожаления в его золотых глазах: наверное, тот тоже подобрался совсем близко к радуге.

Когда же битва окончилась, Йогиню, Пса и Кота подбросили до дома прямо на волшебных санях, которыми правила Снежка. Вскоре и Домушка с Анчуткой подоспели. И все вместе отправились пить чай с ароматными травами, придающими сил. Даже Кот. Правда, он просто сидел на подоконнике, нервно поводя ушами от канонады за окном. Но запах мяты, исходящий из заварочного чайника и из кружек Йогини, Домушки и Анчутки, приятно щекотал ноздри и навевал сон.

Хорошо бы, действительно, вздремнуть. Прямо здесь, не добираясь до печи. Под сбивчивые рассказы Домушки и похвалы Анчутки. А ведь и впрямь они – воины. Почти что былина получается... Под такие спится хорошо. Кот смежил веки и, конечно, увидел луч во тьме. Тот переливался желтоватой, зелёной, синей и фиолетовой красками. Где-то там,

впереди, по радуге гуляли сами по себе коты и кошки, а рядом с ними обретались и собаки. И никто ни на кого не шипел и не лаял. Потому что все ссоры остались там, за порогом.

Кот знал, что когда-нибудь вернётся. Через несколько жизней. Вроде их семь осталось? Не так уж много. Но не так уж и мало...

Почти родные персонажи

Одно дело – самому сторониться других. И совсем другое – стать изгоем. Лада это прекрасно понимала, и потому хотела бы простить Ярилу⁶. Но не могла. Он звонил, пробовал даже приходить в гости, но она всеми силами уклонялась от разговора.

Что она могла сказать ему? Упрекнуть в том, что он плохо смотрел за доверенными ему детьми? Или в том, что и Петя, и Настя чуть не погибли? Так он и сам знает. И может возразить, что именно мальчик, приведённый на поле битвы им, Ярилой, помог Свету добиться победы. Цель, как известно, оправдывает средства, а победителей не судят... Только вот цели у Ярилы явно не было никакой, а в рядах воинов Света его и вовсе не было. Но самое главное – у Лады никак в голове не укладывалось, как можно быть таким беспечным и даже не испытывать раскаяния по этому поводу.

Почему-то она не допускала мысли, что Ярила именно для того и ищет встречи, чтобы оправдаться. Лада всегда считала сына Додолы (и, что уж скрывать, Велеса) слишком легкомысленным, ленивым и склонным к безрассудству. А потому мнила и себя виновной в том, что дети Лины оказались в опасности: нельзя было доверять их Яриле! И это не добав-

⁶ Ярила, Ярило — в мифологии восточных славян бог солнца, весны, плодородия и любви.

ляло ей желания общаться с «вечным студентом».

Вообще всё как-то навалилось. Почему-то она считала, что победа Света решит все проблемы. Тем более что Лина осталась жива! Лада наконец-то не терзалась муками совести по поводу того, что довела очередную женщину, вместившую в себя Жар-птицу, до уничтожения в пламени Сваговом. Да и вообще – все силы Света здравствуют. Йогиня, правда, восстанавливается ещё, её здорово сестрица старшая потрепала, но в остальном всё же хорошо. Если не считать Никиту, который без предупреждения просто покинул её квартиру первого января. Что такое? Вроде бы по своей воле к ней шёл. Лада было понадеялась, что их отношения можно возобновить, и тут вдруг...

Потом перестала выходить на связь Лина. Отвечала немногословно, будто обиду какую затаила. Хотя, наверное, претензии у неё появились к богам после того, как Настю выкрала и зачаровала Яга, а Пете, совсем ещё маленькому ребёнку, пришлось страшную старуху испепелять. Лада понимала, что Лина, возможно, вообще не захочет видеть их братию. Боги оказались не всесильными и не безгрешными. Да и не самыми предусмотрительными. Скорее всего, бывшая Жар-птица забудет всю эту историю как страшный сон. Может, и со Святом порвёт. Было бы жаль, но Лада поняла бы её: женщине нужен мужчина. А не бог, который мыслит совсем другими категориями.

Кстати об обычных людях: Ладе позвонила Василиса – та

самая девушка, которая писала сценарий для игры. Той, что получила имя Велеса⁷ и чуть было не погубила Свет. Василиса, так и лучившаяся ещё недавно счастьем, явно была подавлена. Лада назначила её встречу в уже знакомом месте – сквере на Звездинке. Если будет холодно (а скорее всего, так и случится), можно будет зайти в «Чебурешную». Не одной же японской едой лакомиться!

Морозы были в разгаре, и долго погулять действительно не получилось. Поговорить – тем более. В практически пустую кафешку Лада с Василисой зашли с заиндевевшими ресницами, но быстро отогрелись. Пока богиня-психологиня выбирала между чебуреком с салатом, с сыром и с... супом, девушка просто пробежала глазами меню, ни на чём не сосредотачиваясь. Выбрала с горгонзолой и грушей – просто наугад. Едва заказ был сделан и официантка отошла от их столика, Василиса сказала глухим голосом, в котором Лада слышала едва сдерживаемые слёзы:

– Я бездарь. Вы мне доверились, и всё теперь так...

– Как? – ошеломлённо спросила Лада. Она понятия не имела, о чём шла речь.

– Игра... На неё сплошные плохие отзывы. В основном ругают сюжет. А его... ну, его же я писала. Так и знала, что нельзя браться за сценарий!

Лада поднялась со своего диванчика и пересела к Василисе. Обняла девушку, постаралась успокоить прикоснове-

⁷ Вёлес — божество в древнерусском языческом пантеоне, «скотий бог».

нием. Если уж она однажды остановила Жар-птицу, не дав себя спалить, то и тут как-нибудь справится. Что она могла сказать в утешение? Что хейтерскую атаку на «Велесову игру» устроили Анчутка с Домушкой? А дальше покатилося по инерции... Лада уже и забыла про то, какие волнения были связаны с изменившимся сюжетом перед битвой. А ведь и правда: игра касалась не только богов. Создавали её и играли в неё люди.

– Это не твоя вина, Василиса, – только и смогла сказать Лада. И не соврала.

– Но как же... И ведь, понимаете, я не научный труд писала, а меня за искажённые исторические факты ругают! – с несвойственной для себя скоростью затараторила Василиса, так ей хотелось выговориться. – Как я теперь в глаза преподавателям с филфака смотреть буду?! У меня за экзамен по фольклору «отлично», за практику летнюю – «отлично». Да я даже магистерскую диссертацию по русским народным сказкам защищала!

Лада в этот момент поняла, что Василиса попалась: она читала все эти отзывы, написанные почти что безграмотным, надо признать, Анчуткой, а также его оголтелыми заочными последователями, и старалась найти в них зерно истины. Она спорила, чего делать совершенно не стоило. И в итоге совсем себя загнала. Хорошо, что у неё есть знакомый психолог... Правда, тоже нуждающийся в помощи, но готовый отбросить мысли обо всех своих неурядицах и вытащить из

болота, наполненного хейтерским ядом.

– Твой сценарий – художественное произведение, так ведь?

Кивок.

– Ты где-нибудь писала, что он основан на реальных событиях?

– Разумеется, нет.

– Ты заявляла когда-нибудь, что игра претендует на историчность?

– Ну... нет.

– Ты сделала то, о чём эти люди даже не мечтают. Ты создала целую вселенную, проработала характеры, прописала диалоги, сделала персонажей живыми. Да, визуальные образы им дали другие люди, но чего бы они, эти образы, стоили без твоего сценария?

Василиса слушала, жадно поглощая слова, заедая ими принесённый официанткой сладко-солёный чебурек. Она изголодалась по участию и, кажется, даже забыла на какое-то время, где находится.

– То, что игра создана, – уже успех. И тебе не надо никому ничего доказывать. Просто надо двигаться дальше. Я же читала твои рассказы – они потрясающе талантливы!

– Правда?

– А разве я предложила бы тебе написать сценарий, если бы не считала тебя одарённым автором?

– Я как будто сроднилась с этими богами, пока писала, –

призналась Василиса, и её горящие глаза свидетельствовали о том, что кризис самобичевания миновал. – Я словно лично их знаю, представляете?

Конечно, девушка сильно удивилась бы, если бы узнала, что сидит с одной из богинь за столиком. В её представлении «настоящая» Лада вряд ли могла уплетать чебурек с крабовым салатом, запивать его ягодным чаем и поглядывать на ещё один жареный пирожок – с яблоком и корицей. Ну что ж, мы редко соответствуем тому, что о нас думают. И это неплохо.

Остаток встречи был очень тёплым, душевным. Ладе удалось натолкнуть Василису на мысль о сборнике рассказов или даже романе о богах. Если столько знаний накоплено, им грех пропадать. Писать о почти родных уже персонажах – что может быть лучше?

Лада не знала, что после того, как они с Василисой разошлись в разные стороны, девушку догнал привлекательный молодой человек и под старым как мир предлогом завязал с ней знакомство. Представился Яриком и в первую минуту общения умудрился рассмешить, обаять и почти влюбить в себя выпускницу филфака. А Василиса не могла знать, что настоящим поводом для знакомства послужила её встреча с Ладой. И что ей, простой девушке, предстояло получить уникальный опыт общения с божественной сущностью.

Мыши в сметане

«Всё должно быть хорошо», – твердила себе бабка, переворачиваясь с боку на бок на печи. Да, ныли косточки, да, время от времени глаза застилала пелена, да, иной раз было сложно губы разомкнуть. Всё благодаря сестре старшей – заклинания, синей молнией в Йогиню попавшие, до сих пор аукались. С другой стороны, она-то на печке, а где Яга? Тот же. Не топтать уж её костяной ногой землю, не смешить её лысой голове беспардонных ворон.

Так что можно и потерпеть малость. Печка – она лечебная. Кого хочешь на ноги поднимет. А Домушка знай дровишек подбрасывает. И Кот тут – лежит в ногах, иногда на её больную конечность лапу закинет, так сразу легче становится. Пёс рядом, в прямом смысле под рукой. Йогиня не могла забыть того, как он спас котов: все трое были обязаны ему жизнью. Теперь он явно хотел помочь своей благодетельнице, и уж не ей было отказываться от столь щедрого предложения. Что касается Анчутки, то он иногда заглядывал и ворчал что-то невразумительное. Вслушавшись, Йогиня готова была поклясться, что он заговаривает её хворь. А ещё подванный обитатель зазывал на СПАсительные процедуры. И старушка подумывала о том, чтобы в ближайшем будущем принять это заманчивое предложение.

Из всех жильцов квартиры номер 13 – как постоянных,

так и временных – в выздоровлении Йогини не участвовал только названный внучок. Никита приехал первого января и, ни с кем и словом не перемолвившись, собрал свои вещи и ушёл, хлопнув дверью. Это было необычно: уж в неблагодарности и невежливости он ни разу не был замечен. Но Йогиню его поступок не застал врасплох. Благодаря Проше, который отчего-то называл себя теперь Прохором, она знала, что недавно Никита вот так же, по-аглицки, покинул и Ладу. Сбивчивое объяснение кота по поводу двойного сердцебиения и разговора по «невидимому телефону» натолкнуло Йогиню на мысль, что произошло нечто небывалое.

Раньше как было? Сгорала Жар-птица, сгорал и тот, кто Тьму возглавил, и ничегошеньки после них не оставалось. Недавно оказалось, что невредимым было ещё и сердце той женщины, что служила пламени Сварогову вместилищем. А в нём и личность сохранялась. Йогиня с самого начала боялась того, что Анна, предыдущая «носительница» Жар-птицы, взбрыкнёт и откажется помогать Свету – или сразу, или в последний момент. Для того и нужен был Никита, чтобы Анну обаять: спасая его, она ввязалась бы в битву. Так оно и вышло. Не только Зверя убили они сообща, но и Ягу уничтожить помогли.

По всем прикидкам, сердце должно было сгореть, а Никита – освободиться. Зорко присматривалась Йогиня к Лине и сынку её Пете, принюхивалась даже, но никаких следов Жар-птицы не обнаружила. Да и внучок названный больше руку

к левой стороне груди не прижимал. Получается, вспыхнуло сердце Анны – и поминай как звали. Только вот магия Сва-рогова пламени – неточная дисциплина, поди-ка вычисли её законы...

Йогине даже не нужно было говорить с Никитой, разом охладевшим и к ней, и к своим друзьям-товарищам, чтобы понять: Анна поселилась внутри богатыря. За что боролись, на то и напоролись – вот что выходит-то. Хотела Йогиня, чтобы сердце Жар-птицы к Никите прикипело, так нечего теперь жаловаться. А надобно думать, что с этим делать.

Конечно, можно было и не вмешиваться. Сам ушёл? Сам. Взрослый парень? А то! Самостоятельный? Ещё бы! Уж не тому, кто Зверя одним ударом уничтожил, бояться перипетий обычной жизни. Работа есть у него, жильё найдёт без проблем... И даже подруга кхм... сердечная наличествует. Лада одна осталась? Ну, это ненадолго. Йогиня чувствовала, что её рыжий знакомец, сумевший Ягу на мякине провести, не замедлит явиться и скрасить одиночество любимой блондинки. Можно даже порадоваться за богиню: уж Локи-то ей скучать не даст. Может, и уедут куда – теперь ничто Ладу в Нижнем не держит...

Только вот что-то заставляло Йогиню переворачиваться с одного бока на другой. Может быть, то, что она в мечтах уже нянчила Никитиногo сыночка, Ладой рождённого. Вот уж кто вырос бы богатырём непобедимым! Уж названная прабабка воспитала бы его на славу... Только вот нет никакого

младенца – ни мужского пола, ни женского. И уж теперь не будет.

Позвонить Ладе? Объяснить, что Анна Никитой завладела, да подумать вместе, что дальше делать? Вот только нужно ли всё это богине? А ну как не суждено тому богатырю непобедимому на свет появиться? Как бы дров не наломать. Да и вообще – причинять добро не так хорошо, как кажется. Лучше уж своим делом заняться...

«Кошачьей бабушке» было стыдно: сколько хвостиков в такую стужу по подвалам мёрзнет? А она на печи греется! Подумаешь, костяную ногу ломит... Да когда она не болела-то? Надо воспользоваться Анчуткиным предложением: попарить косточки, поколотить их веничком берёзовым али дубовым – пусть и не в бане, а в ванне, но за неимением лучшего и так сойдёт.

В общем, Йогиня поднялась наконец с печи, сказав перед тем Домушке, чтобы Анчутку поторопил. А уж как добралась до ванной комнаты – только диву далась. Пар-то настоящий – банный. И венички запарены, и даже квасок наготове. И какие-то баночки-скляночки, из которых аромат знакомых трав целебных доносится, наготове. А сам банник Анчутка царство своё покинул – поклонился Йогине да покатился на кухню чаёк заваривать. Уж как принялась старушка париться, так и всю хворь с неё сняло. Таково-то отхлестала себя по спине да по ногам, что от веников одни прутья остались, зато облетели, ровно листочки сухие, с Йогини го-

ды трудные. Почувствовала она себя моложе лет на двести – хоть сейчас отправляйся Кощея охмурять. Попробовала погнуться: любую асану осилит. Но сперва – чаёк.

По своему обыкновению, Йогиня вливала в себя пахучий кипяток и выдыхала обжигающий пар. Кажется, от этого даже на улице теплее стало. Эх, хорошо бы сейчас к Кощею завалиться. Или в гости его позвать. Но сначала – работа. И Йогиня, закутавшись в тулупчик потеплее, покинула пышущую жаром квартиру номер 13. Вернулась аж через сутки. С горящими глазами, с широченной улыбкой и с двумя пакетами сухого корма – для Кота и Пса. Пусть порадуются. Недурно было бы их отблагодарить. Да и Анчутке с Домушкой гостинцы припасла: выторговала настоящего мёда, липового. Чай с ним пить одно удовольствие. Да и блинчков можно спроворить, отметить удачную работу.

Двадцать пристроенных кошачьих и собачьих душ – недурно! Теперь можно и расслабиться. И пригласить (а почему бы и нет?) Костика-Кощея в гости. Не травой всякой накормить, а кашей да щами. И запечь мышей в сметане. ЗОЖ ЗОЖем, а своего мужика, пущай и будущего, надо мясом кормить. Кожа да кости – это не всегда хорошо. А может, и никогда.

Домушка был отправлен в магазин за овощами и прочим съестным, Кот – в подвал за мышами. Пёс рядом остался, чтобы радостно мешаться под ногами и повизгивать от восторга. Кошей, понятно, был приглашён со всеми почестями:

письмо, написанное корявым от отвычки почерком, ему доставил Анчутка, который давненько не езживал в маршрутках и не ругался из-под сиденья, чтобы ссору в салоне развести.

Но вот и все в сборе. Каждый свою миссию выполнил, можно отдохнуть. А сама Йогиня, поставив большую сковороду с мышами в печь (аккурат между чугунками со щами и кашей), решила принарядиться. Новомодное платье в цветочек и даже – представьте! – туфельки на небольшом каблучке. Не всё ей в костюме для йоги щеголять. Она всё-таки женщина. Антикварная, а оттого во сто крат более ценная, чем обычная.

А вот и звонок в дверь. Йогиня посеменила открывать. На каблучках было не слишком-то удобно, но ради красоты можно потерпеть. Однако, широко распахнув дверь, она поняла, что амурные планы летят куда подальше. За дверью был не один сухощавый ЗОЖник, а сразу пять сморщенных старух.

– Встречай, сестра! – проскрипела та, что стояла впереди. Её акцент был едва уловим, но Йогиня сразу признала Ёжи, что в незапамятные времена обосновалась на чешских землях.

Пришлось впустить и её, и прибывшую из Польши Ёндзу, и Зи́му из Словении, и Ро́гу, оставившую тёплые Сербию, Черногорию и Хорватию ради поездки в заснеженную Россию. Последней зашла Пёхтра, благоухая чем-то совсем уж

забугорным, австрийским.

Следом и Кощей явился. И нашёл вместо одной дамы – шесть. И ладно бы это были Василисы какие, с ними-то полегче бы было, так нет. Собрались в квартире номер 13 морщинистые представительницы Ягиного рода, одна другой ядовитее. Вот это сходил в гости... И мыши подгорели, что стало ясно ещё с порога. Но это было меньшим из зол. Изначально сестёр было семь, теперь их осталось шесть. И это явно было причиной визита заграничных гостей. Судя по мрачевшему на глазах выражению лица Йогини, она догадывалась, что будет дальше. И это ей не нравилось. Совершенно.

Обещания

Что нужно делать, когда твой мир рассыпается на части? Попытайся бережно собрать хоть что-то или снести всё в совок, выбросить и начать заново? Будь Лина одна, она бы сделала второе. Но у неё были дети – и пришлось заниматься первым.

Настя и Петя хотели засыпать под сказки, просыпаться от маминых поцелуев и завтракать любимыми оладушками. Им нужны были также обеды и ужины, прогулки и игрушки. Дети не могли обойтись без заботы, а богу Белого света, возможно, требовалось время, чтобы прийти в себя. Может быть, он решит съездить на ипподром, оседлает Зарянку и сделает пару кругов, например. Отличный способ. Сам не догадается – Лина ему идейку подбросит.

А пока – дети. Лина договорилась с Петей, чтобы он не расстраивал Настю, и устроила обоим праздник невиданной щедрости: она заказала столько развлечух, на сколько хватило денег, и это должно было успокоить птенчиков. Конечно, осознанные родители осудили бы Лину. Но вряд ли им когда-нибудь приходилось сталкиваться с превращением дитяти в Жар-птицу, так что их мнение не в счёт. Через пару дней, которые Лина взяла для паузы и в течение которых запрещала себе о чём-либо, кроме бытовых вопросов, думать, курьер доставил конструкторы, настольные игры, паз-

лы и раскраски разных калибров. Эта тяжёлая артиллерия точно должна была занять детей на неопределённое время.

И куда только делась Лина головная боль, ещё недавно не дававшая жить? Вероятно, ушла недалеко с расчётом на скорое возвращение. Но пока есть время на попытку разобраться, откуда в Настя взялся Сварогов огонь. Спрашивать Ладу было бесполезно – она и сама не знала. Наверняка. Потому что случай Лины был уникальным с самого начала. До неё ни одна Жар-птица не дала своей носительнице родить ребёнка. А тут – сразу двойня, будоражившая своим запахом силы Тьмы. Лину невольно передёрнуло от воспоминания о Звере и Яге. Да, всё обошлось. Да, Свет победил. Но всё могло закончиться иначе. И... ещё может.

Лина никогда не была яркой оптимисткой. Она скорее выступала за реализм. И проявление Жар-птицы, которая должна была пропасть как минимум на сто лет, да ещё в ребёнке, могло говорить только об одном: война не закончена. Битва не была последней, что бы там себе ни думали боги. И Лину несколько бы это не волновало, если бы не дочь. Получается, выступать на стороне Света предстояло именно Насте. И это было второй причиной, по которой Лина ничего не сказала о недавнем происшествии Ладе, когда та на днях звонила. «Не отдам!» – припечатала по себя любящая мать. Возможно, стоило позаботиться о переезде. Но как же было жаль покидать гнёздышко на 17-м этаже! Оно всегда гармонировало с Линой, с её внутренним ощущением свободы, и

как же приятно было, когда чуждый элемент в виде Иванушки-дурачка освободил квартиру...

Кстати о нём. Оставалось только надеяться на то, что Настя, будучи в полусне из-за заклинания Яги, не увидела гибели своего отца. И на то, что в суматохе Петя не заметил его тела на поле боя. Для них Иванушка «улетел в космос» давным-давно, и не хотелось бы, чтобы дети вспоминали непутёвого отца. Конечно, Лина отдала памяти бывшего мужа должное, поблагодарив его задним числом за то, что он отдал, пускай и чрезвычайно нелепо, свою жизнь за свободу дочери. Но служить хорошим примером детям Иванушка, разумеется, не мог. Мир его праху!

Лина поругала себя за то, что отвлеклась, и снова вернулась к обдумыванию проблемы. Итак, что имелось в условиях задачи? Жар-птенчик женского пола – одна штука, бог в депрессии – одна штука, бывший юный супергерой мужского пола – одна штука, растерянная мать, ставшая наконец-то обычной, – одна штука. Что требовалось найти? Угрозу. Если верить словам Лады, Жар-птица проявлялась в ком-то за несколько лет до битвы – в ответ на приготовления Тьмы к сражению. Так что пока вряд ли можно было понять, с чего вся эта свистопляска. Хотя...

Лина перебирала в памяти моменты битвы: богатырь, пригревший на груди сердце предыдущей Жар-птицы, победил Зверя, явилась Яга с какой-то девкой, державшей Настю, потом Лада поскакала в наступление. Отчаянный шаг! Хотя

её мысли и были заняты другим, Лина искренне переживала за богиню, и то, что Локи⁸ её спас, казалось невероятным подарком. Рыжий, казалось, с самого начала знал, чем может обернуться дело, и подстелил соломки. И тут Лину озарило: вот кто её нужен!

Из обрывков разговоров Лады с Йогиней она ещё перед битвой поняла, что Локи слышит всё, что говорится рядом с открытым огнём. Так почему бы не воспользоваться этим знанием? Лина заглянула в комнату, где под пледом, почти не двигаясь, лежал Свят. Он так и не справился сам. Но его пока явно не стоило беспокоить. Чем она, пылающая неуверенностью и страхом, могла ему помочь? Но когда появится конкретика, можно и нужно будет действовать – и Лина отправит любимого бога на ипподром, поправлять пошатнувшееся ментальное здоровье.

Пользуясь тем, что Петя с Настей принялись разворачивать заказанные мамой в порыве щедрости подарки, она проскользнула на кухню и, глядя на плиту, впервые пожалела, что та – газовая, а не электрическая. Впрочем, свечи имелись, за что спасибо логопеду сына: именно благодаря необходимости делать дыхательную гимнастику в квартире появился этот романтический атрибут. Со спичками было сложнее. Еле-еле отыскав единственный оставшийся коро-

⁸ Лóки — сын ётуна Фарбаути и Лаувейи, также упоминается в качестве бога хитрости, обмана и коварства и т. п. качеств в германо-скандинавской мифологии.

бок, Лина с замиранием сердца поняла, что он слишком лёгкий. Так и есть – одна спичка. Зажигалок в квартире сроду не водилось... Что ж, оставалось надеяться, что у Лины всё получится. Идти за спичками сейчас было некому.

Но вот и огонь! Лина дрожащими пальцами поднесла вспыхнувшую спичку к фитилю маленькой свечки (самое оно для романтической атмосферы), а когда пламя осмелело и поднялось повыше, сказала вполголоса:

– Локи, надеюсь, Вы меня слышите. Мы немного знакомы. Я была Жар-птицей. И теперь мне нужна Ваша помощь.

Сказав последние слова, Лина ощутила себя невероятно глупой. Наверное, надо было дойти до отчаяния, чтобы решиться разговаривать со свечкой, боясь, что огонь вот-вот погаснет. Но тут послышался тихий голос, в котором явно слышалась насмешка:

– Давай на «ты». Почти родные, как-никак.

– Что?

– Ну, в тебе был огонь Сварогов, а я так вообще в близких отношениях с пламенем.

– Да-да, конечно. Вы... ты сможешь мне помочь?

– Смотря с чем.

– Пообещай сначала, что никому не скажешь.

– В таком случае жду ответного обещания.

– Какого?

– Пообещай помочь мне завоевать Ладу.

– Но я... Мы даже не общаемся так, как раньше. Да и будет

ли меня слушать богиня?

– Ты пообещай, остальное – моё дело.

– Хорошо, обещаю. Так ты поможешь мне?

– Разумеется. Торжественно даю тебе обещание сделать всё возможное. И невозможное – в качестве бонуса.

Лина не могла не улыбнуться. Что-то в этом трикстере было! Что-то неотразимое. Возможно, его уверенность. Или наглость, что, пожалуй, точнее. И ей оставалось только довериться этому плуту.

– Понимаешь, Жар-птица должна была сгореть без остатка...

– Насколько я понимаю, так всегда и было.

– И пламени Сварогова больше нет ни во мне, ни в Пете, насколько я могу судить...

– Прими мои поздравления с победой над Тьмой. Правда, я не отказался бы от того, чтобы ваш третий остался на снегу, но в целом вы молодцы!

– Не перебивай меня! – прикрикнула Лина. Отчего-то она чувствовала себя всё более уверенной с каждой секундой. – Моя дочь пару дней назад превратилась в Жар-птицу. Так не должно было быть, но так случилось. И я должна знать, что мне делать, чтобы обезопасить её и сына. Всё, теперь можешь говорить.

– Ты думаешь, что появление Жар-птицы, так сказать, знаменует грядущую битву? Прости за пафос, но без него в таких случаях никуда.

– Именно так я и думаю. И пафос – последнее, что меня сейчас заботит.

– И зачем тебе понадобился я?

– Ты знаешь больше, чем остальные боги, а главное – умеешь просчитывать всё наперёд. Кто, если не ты, может мне сказать, что всё это значит?

– Логично. Благодарю за доверие, оказанное твоему покорному слуге. Сделаем-ка вот что...

И надо было такому случиться, что именно в этот момент на кухню ворвался Петя и, увидев горящую свечу, изо всех сил дунул на огонёк. Пламя моментально потухло. Лина еле сдержалась от вскрика. Она так и не услышала ничего о планах Локи!

Успокаивало одно: он знал, что нужно делать. И, возможно, уже принялся за работу. Больше спичек нет, купить сейчас уже не получится: на часах одиннадцатый час, магазины закрыты, а метаться ночью по городу в поисках круглосуточного маркета с двумя детьми – тот ещё квест. Ничего, Лина примется за другое дело, рассчитывая, что в этот самый момент Локи тоже занят чем-то очень важным. Необходимая уверенность у неё успела появиться.

Свят по-прежнему лежал под пледом. Лина присела рядом, невольно вспомнив момент, когда бог Белого света вытаскивал из бездны отчаяния её саму. Сердце сжалось, и первоначальная мысль насчёт ипподрома уступила место совсем другой.

– Всё обязательно будет хорошо, слышишь? – шепнула она, коснувшись пальцами спутанных белокурых волос. – Мы справимся. Когда-то ты обещал быть рядом со мной и моими детьми. А теперь моя очередь. Я буду с тобой, Свят. Мы будем, вместе с Петей и Настей. Обещаю.

– Почему? Зачем ты это делаешь? – еле слышно произнёс Свят, волей или неволей повторяя её давние слова.

– Потому что я люблю тебя, – ответила она. И тоже – его словами.

Свят наконец поднял голову и поцеловал Лину. Она почувствовала бурю эмоций, захватившую душу бога, и поклялась самой себе, что сделает всё, чтобы он успокоился. Что ещё оставалось делать простой женщине, влюблённой в бессмертное, но не всесильное существо?

Что нужно предпринять, когда твой мир рассыпается на части? Попытаться собрать его заново, прилаживая друг к другу столь ценные обломки и скрепляя их – любовью.

Лиха беда начало!

Как правило, быт холостяков отличается некоторой небрежностью, а иногда – и творческим (и не очень) беспорядком. Конечно, есть очень чистолюбные, превосходящие даже в этом отношении женщин, мужчины. Но само по себе выражение «холостяцкая квартира» давно стало расхожим. А уж если одиноких особей мужского пола в одной квартире двое...

Словом, сюрприз – вот что ожидало Снежку в месте обитания Пёрышка и Баю-бая. Бородатый «Дед Перун» скрипнул зубами, поняв, что с лёгкой руки Лады ему теперь придётся постоянно отзываться на нелюбимое прозвище, но это недовольство быстро сменилось недоумением. Глядя на активную деятельность, которую Снежка развела в квартире уже утром первого января, он только диву давался: откуда у него столько пыли? Перекати-поле из шерсти – явление понятное, Баюшка-то линяет. Но чтобы мешок из пылесоса нужно было за день три раза вытряхивать...

Пришлось даже нести выбивать коврики. Их и было-то всего два – у входной двери и возле дивана, а вот прорабатывать их, разложив на снегу неподалёку от детской площадка, пришлось добрый час. «Ну я и свинья», – вынужден был признать Перун. Подошёл сосед, поздоровался, понимающе хмыкнул, бросив взгляд на ковёр: что, мол, заела вторая по-

ловина? И почему-то именно в этот момент, максимально далёкий от романтики, бородач, потерявший счёт столетиям жизни, осознал, что он теперь не один. И что это делает его своим для многих сотен, тысяч, миллионов мужиков, «запиленных» сварливыми жёнами и подругами. Потому-то он и отпирал дверь квартиры с весёлым примурлыкиванием, оттого-то и коврики, хрустяще-чистые после морозной улицы, забрасывались в прихожую заливхватски, чуть ли не с криком: «Поберегись!».

Баю-бай энтузиазма Грохота не разделял. Да, он понимал, что изменение холостяцкого статуса неизбежно потребует и перемен в повседневной жизни. Но не так же сразу?! Его любимая подушка, туго набитая утиным пухом, а оттого тяжёлая, венчала горку «хлама на выброс», а ревизорша, от которой на кота веяло холодом, причём во всех смыслах, отказывалась понимать вопли взбешённого чёрного холостяка.

– Что-то долго, Пёрышко! – зазвенела голосом-колокольчиком Снежка, когда Грохот вошёл в комнату. – А я тут тебе ещё работки подбросила. Смотри, сколько ненужных вещей скопилось! Надо бы всё это на свалку...

– Но, Снеженька, не всё же это выбрасывать!

– И сломанный стул оставлять? Куда он нам? – Снежка при этом посмотрела на Перуна с таким умильным выражением, что при слове «нам» у него приятно ёкнуло в сердце. – Или вот коробки из-под обуви? Про клавиатуру без половины клавиш я вообще молчу...

Хозяин квартиры зарделся: вспоминать, как он крушил несчастное устройство, которое отказывалось его слушаться, было безмерно стыдно. Стул он тогда же бросил об стену. И не один раз. Так что да, стоило от этого избавиться. Да и коробки... Обувь давно сношена и нашла последний приют в мусорном контейнере, а они всё пыль на шкафу собирают. Непорядок! Но хоть в чём-то Снежку в её чистоплюйном угаре надо было ограничить. И Баю-бай, красноречиво вращавший глазами, которые почти полностью почернели из-за расширившегося донельзя зрачка, намекал, в чём именно.

– Снеженька, как хочешь, а Баюшкину подушку я выкинуть не дам! Он к ней привык, да и утиный пух сейчас где достанешь?

– Посмотри на неё, Пёрышко! Уже ведь и понять нельзя, какого цвета эта подушка была... Я посмотрела: наволочку снять без потерь не получится, сразу весь пух вылетит. А я уже прибралась!

Перун снова поймал себя на неловкости. Действительно, его квартира, ещё пару часов назад напоминавшая Авгиевы конюшни, сияла чистотой. Почти вся – мешала только куча ненужных вещей. И что теперь, распарывать пуховую подушку? Это будет ещё хуже, чем было до уборки. И Пёрышко ничего не ответил. Просто собрал весь хлам и в три ходки до мусорных контейнеров вынес. Всё. Подушка была унесена последней, и Баю-бай провожал её утробным воем. Стоит ли говорить о том, что его отношения со Снежкой были се-

рьёзно этим актом вандализма подпорчены?

Но, словно бы ей мало было, Ледышка, как именовал её про себя Баю-бай, встретила вернувшегося из недолгого – и бесславного – похода Грохота невероятно вероломной фразой:

– Ты знаешь, Пёрышко, мне не нравится состояние твоего... то есть нашего кота!

– А что такое?

– Он так воет, будто у него болит что. Внутри. Оно и неудивительно, он ведь старичок уже по кошачьим меркам. Да и по человеческим. И даже божественным... Может, его на обследование свозить? Вдруг повредил что во время битвы? Йогиня ведь говорила, что с того света и его, и двух других котов вытаскивала...

Баю-бай, конечно, порадовался выражению озабоченности на лице Грохота, но осмотр в клинике, где ветеринар мог снова начать разговоры о кастрации, а температуру измеряли очень унижительным для кота способом, его совсем не прельщал. Жаль, дверь уже заперта... Эх, надо было улизнуть сразу же – вслед за Грохотом! А потом бегом к Йогине, она не выдаст... Но теперь-то что делать?

А диалог двуногих, решавших судьбу некогда почти все- сильного кота, меж тем продолжался.

– Может, его просто уборка напугала? Ну, знаешь, они боятся пылесосов. Я ведь из-за этого так редко и прибирался...

Баю-бай закатил глаза: ну да, ну да! Если уж на то пошло,

он одной левой лапой мог надавать орущему пылесосу по морде, но предпочитал не замечать. Тем более что эта тварь из пластика и металла выходила на работу раз в пятилетку. И то – если Грохот опять кружку разобьёт. Это, пожалуй, единственный повод включить пылесос. То есть был всегда. А сегодня какое-то светопреставление началось. Урррррррррр!

– Я бы всё-таки проверила, – завела снова своё Ледышка.

– Ты своих котов учёных к ветеринару водишь? – парировал Грохот, и Баю-бай наострил уши.

– Нет, как можно?! Они же говорящие, даже грамоту разумеют! – взбрыкнула Ледышка.

– Баюн куда как круче их всех, ты уж мне поверь. Не было путникам от него спасения, кроме железного колпака и железных рукавиц. Такие речи вёл, что кого угодно усыпить мог. А уж к кому сердцем прикипит, тому и любые недуги были нипочём. – Баюн зажмурился и от приятных воспоминаний замурлыкал. – Когда-то Яге служил. Ну, той, которая старшая. А потом на вольные хлеба подался. Его братец двоюродный у Йогини – первый помощник, а Баюн свободу любил, так что многие века сам по себе жил. Ко мне недавно прибил, и ста лет не прошло. Перестали люди верить в него – вот и потерял он свой голос. А я никогда не обману и не предам его, потому что, хоть и суров он с виду, много в нём любви.

Баюн и сам не заметил, как уснул. Очнулся только тогда, когда Снежка поднесла ему ещё сырую, но такую родную пу-

ховую подушку. Получается, принесли с помойки и постирали. Приятно!

– Прости меня, ладно? – попросила. – Я ведь не знала, что ты и есть тот самый Баюн. Давай жить дружно?

Кот прикрыл золотые глаза и снова открыл, да ещё и лапа левая, словно невзначай, когти выпустила – и снова втянула. Согласен, мол, только давай впредь без глупостей. На том и порешили. Лёд – он тоже полезен бывает, если в меру.

А ночью пробрался Баю-бай к Грохоту, лёг на его широкую спину. Чувствовал – болит там. Ещё бы: знатно Горыныч опалил. Ледышка главную боль-то утишила, да куда ей совсем убрать нитьё в мышцах да ломоту в позвоночнике? Расположился Баю-бай, замурлыкал. Прилив сил почувствовал он в себе ещё тогда, когда Яга, заклятая приятельница, в огне Свароговом корчилась. Голос не вернулся, а вот лекарские способности, может, и да. Был только один способ проверить...

Наутро Ледышка, прижавшись к спине Грохота, тут же отстранилась и вскрикнула.

– А? Что? – вскинулся бородач.

– Твоя... спина! Она чистая!

– Правда?

– Не веришь – в зеркало посмотри!

А потом, понятно, было чествование лучшего лекаря всех времён. Заказанное прямо в квартиру свежее мясо было, надо признать, не самым лучшим, но Баюн был доволен. Никто

теперь его к ветеринару не поведёт. И подушку не рискнёт выкидывать. Кто бы мог подумать, что чёрному коту надо примкнуть к Свету, чтобы вернуть былую силушку? Пусть и не всю, а часть только... Пока. Лиха беда начало!

Доброе дело, между прочим!

Хорошим живётся привольно: победил – и почивай на лаврах. Одолели злодеев? Одолели! Не топчет больше землю Зверь? Не топчет! Можно ли расслабиться? Конечно! А вот хитрецу неймётся: как же быть с наследством-то?

Боги тоже могут быть наивными, не хуже людей. Но господин Велесов, несомненно, к числу легкомысленных не относился никогда. Двойная игра, что велась не одно столетие, обязывала. К тому же не ходил Велес никогда в бедняках, а в последнее время дела у него и вовсе пёрли в гору. Неужели же он не позаботился о своём добре (велик и могуч русский язык, вот и у этого слова не одно значение), бросил на самотёк? Не верилось в это Локи. Не только он, трикстер-ловкач, продумывал всё наперёд, но и скотиний бог. А иначе не высился бы.

Конечно, первым делом рыжий облазил все уголки загородного дома, в котором жил до недавнего времени по договору с господином Велесовым. Но, как и следовало ожидать, документов там не обнаружил. Однако ведь и квартира в центре города имелаась. Где и быть искомому, если не там?

Даже напрягаться не пришлось: Серый подсказал, где та элитная недвижимость находится. А уж проникнуть внутрь – не проблема. Особенно с волком... то есть собакой, которая всему подъезду хорошо знакома. И прятаться не пришлось.

Локи до сих пор не позволял себе панибратства в отношении Серого, да и вряд ли стоило так делать. Ещё при общении со своим сыночком Фенриром трикстер усвоил: с волками шутить нельзя. Захочет поближе быть – сам подойдёт. Свобода, особенно заново обрётённая после столетий рабства, была для Серого слишком большой ценностью, чтобы на неё покушаться. Ему ли, Локи, не знать?

Методами проникновения во всё и вся скандинавский ловкач владел неплохо. Можно было даже сказать, что он их в некотором смысле изобрёл. Так что вскрыть сейф с документами не составило для него труда. Да и разобраться в том, кому господин Велесов отписал всё своё состояние, было несложно. Локи усмехнулся: слишком просто. Должен быть какой-то подвох... А пока стоило найти наследника – и научить, как до предприятий и жилья добраться и взять железной хваткой.

Оставалось и ещё кое-что. Дело в том, что людской мир был не в курсе кончины господина Велесова. Но скоро весть о его исчезновении всколыхнёт как минимум региональные СМИ. Хотя не исключено, что и федеральные. А как иначе? Один из крупнейших животноводов. И если его холдинг прекратит существование, без работы останется не одна тысяча человек. Ну, с этим-то Локи что-нибудь придумает. В конце концов, он всегда чувствовал в себе предпринимательскую жилку. Потому как бизнес замешан на том, в чём рыжий трикстер был весьма и весьма успешен.

Найти человека – не такая уж и проблема в современном мире. С богом всё сложнее. Локи как-то не удосужился узнать человеческую «легенду» конкретно этого персонажа. Но это, пожалуй, было поправимо. Только вот действовать надо исподволь. А то обратишься, пожалуй, к Йогине... Нет, к ней точно не стоит. Локи при воспоминании о хитрой старухе потёр шею, над которой вполне недвусмысленно был занесён в недалёком прошлом меч. Только не она! Но даже если спросить Перуна, который особой смекалкой, кажется, не отличался (все громовники таковы, что ли?), то и он заинтересуется: «А зачем это он тебе?» Так что приходилось рассчитывать только на себя. И на старые добрые полёты над рекой Сновидений.

Локи размышлял так: будь ты хоть сто раз бог, драматичная битва между Светом и Тьмой оставит в тебе массу впечатлений. Сильных, животрепещущих. Таких, от которых не отмахнёшься. Таких, которые воплотятся во снах. Тут-то и можно будет потолковать с наследничком. Локи неспеша вернулся в загородный дом, развёл огонь в камине и, развалившись в кресле, повёл шеей направо-налево. Пожалуй, надо будет заняться спортом, а то даёт о себе знать потрепанная приключениями вечной жизни спина. Чем плохи, например, лошадки? Та, игреневая, которую Локи выбрал перед битвой, очень ему приглянулась. Надо будет наведаться к Святу, потолковать о тренировках. А то и купить кобылу, почему бы и нет? Но сначала – дело.

Проходят месяцы, годы, столетия, а река Сновидений не меняется. Конечно, по временам на ней поднимаются нешуточные волны, особенно когда в жизни сразу нескольких народов наступает шторм, но в основном люди грезят об одном и том же. Да и боги, если как следует задуматься. Может быть, он по чистой случайности увидит Ладу? Нет-нет, тогда он растеряет весь настрой. Тем более что её сон наверняка опять сторожит кот. Лучше отложить встречу до более подходящего – и более реального – момента. А теперь нужно настроиться на то, что может увидеть наследник господина Велесова. Снежное поле, огонь, смерть... Жар-птица тоже, не стоит о ней забывать. А ещё – дети. Голубоглазые девочка и мальчик. Может быть, они будут являться искомому субъекту даже чаще, чем всё остальное.

Так и есть: дочка Жар-птицы собственной персоной. Уносимая – кто бы сомневался – Ягой. С залитым слезами лицом, с разинутым в безмолвном крике ртом. Младше, чем на самом деле. Типичные искажения психики, и не так важно, человеческая она или божественная. Что ж, вот ты и нашёл-ся! Недолгий полёт, направленный в конкретную точку – и вот уже Локи стоит рядом с парнем, который ничего не может сдвинуться с места.

– Ты не виноват, – просто произнёс рыжий.

– Что?

– Тебя обманула старуха, которая потом возглавила Тьму. Это не постыдно. И не должно тебя мучить.

– Я не должен был оставлять детей одних...

– Поверь мне, Яга нашла бы способ отнять у тебя детей. Возможно, обоих. И потом: всё же хорошо закончилось. А не будь Жар-птенчика на поле битвы, неизвестно, победил ли бы в итоге Свет.

– Лада не хочет со мной общаться. И остальные – тоже!

– Ну, тут ты не одинок. Твой покорный слуга, хотя и спас богиню, не может явиться к ней на порог. Но всё может измениться.

– Как?

– Ты ведь теперь богатый наследник, Ярослав Власьевич!

– Откуда ты...

– Я видел завещание твоего отца, Ярик. Сложить два и два было довольно легко. Надо сказать, что человеческое имя-отчество досталось тебе не ахти (папашка твой постарался, ничего не скажешь). Но, я думаю, документы у тебя в порядке?

– Да, даже возраст в паспорте более-менее соответствует внешнему виду. Велес... то есть отец настоял. Я ещё думал: к чему это?

– Предусмотрительный родитель тебе достался. И небедный, само собой. А теперь дело за малым – чтобы его признали умершим.

– Но он же...

– Да, погиб на поле брани, поверженный мечом богатыря, скорешившегося с сердцем Жар-птицы. Весьма необычная

причина смерти. Кроме того, тело было уничтожено лично мной. В любом случае, рогатое и заросшее шерстью существо вряд ли могло быть признано господином Велесовым. Даже безвременно почившим.

– И что теперь делать?

– Заявлять в полицию о том, что твой отец – официальный, между прочим, – пропал. И что ты его не видел с 30 декабря. Думал, мол, что он улетел куда-то на отдых, а телефон его молчит (не забудь позвонить на него завтра с утра раз десять-пятнадцать, кстати). И ты, будучи любящим сыном, беспокоишься о своём родителе. А я пока улажу деловые моменты.

– Какие?

– Об этом тебе знать не обязательно. Но мне хотелось бы, чтобы ты получил не убыточный бизнес, а преуспевающий холдинг, так что придётся подключиться.

– Почему ты это делаешь?

– Не «почему», а «зачем». Затем, что ты явно будешь мне благодарен: оставишь за мной загородный дом и хорошую должность. И поможешь склонить одну известную тебе особу к браку со мной.

– Но Лада же со мной не разговаривает...

– Это только пока. Я же говорю: всё наладится. Верь мне, парень.

Покидая сон Ярилы, Локи с удовлетворением отметил, что девочка улыбалась, а Яги и след простыл. Это же так про-

сто – внушить хоть богу, хоть человеку то, что он и сам хочет услышать. Доброе дело, между прочим! Во всяком случае, на этот раз.

А уже на следующее утро молодой человек в хорошем костюме и при кожаном дипломате явился в приёмную господина Велесова. На лице его играла весьма благожелательная улыбка, пока секретарша – мельком знакомая уже с ним Танечка – читала доверенность, согласно которой Локомотив Лафеевич Честных должен был приступить к исполнению обязанностей генерального директора холдинга.

Живучее племя

Иногда в одном человеке уживаются разные личности. Про это и книги, и фильмы есть. Но у Никиты был особый случай: его знакомая (пусть и только по её собственным рассказам) стала его частью. И если бы она до этого не разговаривала с ним посредством того, что с натяжкой можно было считать телепатией, он бы испугался. Правда, тогда, до битвы Света с Тьмой, у кузнеца, ставшего внезапно богатырём, была возможность оставить где-нибудь сердце Анны – и прервать этот диалог. Теперь такого выхода не было.

Нет, он не хотел избавиться от неё любой ценой. Анна была очень интересной собеседницей: от кого бы он ещё узнал столько о Революции и Гражданской войне? Она ведь не о том говорила, о чём в учебниках и даже художественных произведениях написано. Кому любопытна жизнь «маленького человека», когда творится невиданное, когда, кажется, конец света настаёт... Как он будет искать еду, которой нет? Как можно сохранить жизнь, которая больше ничего не стоит для других людей? Как научиться смотреть на страдания и смерть и не сойти с ума?

Никита словно попал в бесконечный подкаст, посвящённый первой четверти XX века. Картинки рисовало воображение, которое, как ему казалось раньше, ни на что подобное не было способно. Впрочем, он подозревал, что к этому

чуду причастна Анна. Ведь именно с тех пор, как она растворилась в его сознании, а у него появилось второе сердце, перед внутренним взором Никиты то и дело возникали если не художественные фильмы, то уж точно документальная съёмка. И она завораживала...

Может показаться, что увлечь способно только что-то хорошее. Или огонь, вода – и работа другого человека. А как известно, идеальная ситуация для этого создаётся при пожаре. То есть при трагедии. На что может дольше смотреть человек – на распускающийся цветок или на то, как клубы дыма вырываются из здания, в котором гибнут люди? Внимание к трагедии заложено в нашей природе. Да, оно сопровождается страхом, ужасом даже, состраданием – и тихим, стыдным облегчением: «Слава богу, это не со мной». И да, кто-то бросается на помощь, рискуя собственной жизнью. Но большинство просто смотрит, всё чаще – на экране смартфона. Веяние времени, ничего не поделаешь. Вот поэтому-то Никита и «подсел» на почти безостановочно крутящуюся в его голове «хронику».

Место, где ему удалось найти приют, к таким сеансам располагало. Уйдя от названной двоюродной бабушки, которую он продолжал именовать про себя Прасковьей Никитичной и которую теперь кликали Йогиней, молодой богатырь оказался на улице. Конечно, он мог бы сначала продумать пути отхода, а уже потом собирать немногочисленные вещички, но Анна настойчиво требовала убраться из квартиры номер

13 сразу же. То ли она не представляла себе сложностей, с которыми неизбежно должен столкнуться ищущий жильё в новогодние праздники, то ли слишком надеялась на Никиту, то ли у неё были свои причины... Поди разберись! Приложение, куда кузнец-богатырь зашёл, чтобы отыскать относительно приличную квартиру или хотя бы комнату, пестрело такими цифрами, от которых глаза не то чтобы на лоб лезли, а прямо-таки грозили покинуть пределы черепной коробки и устремиться в необозримый космос. Во всяком случае, цены уже это сделали. Устремились то есть.

Никита подсчитал все свои сбережения, значительная часть которых успела уйти на подготовку к битве, и понял, что может рассчитывать только на какой-нибудь угол в коммуналке. Нечто огороженное шкафом, где невозможно даже вытянуть ноги. Протянуть – это пожалуйста, такие места как раз располагают. А вот жить там как?

В итоге нашлась целая квартира. Правда, в доме под снос, который, по счастью, пока не был отключён от света, воды и газа. По всем приметам, это должно было вот-вот произойти: практически все жители покинули двухэтажный деревянный барак, забрав даже не всю мебель. Остался только полоумный дедок, который гордо заявил Никите:

– Пока я свою конуру им не продам, они дом сносить не имеют права! А у меня тут аж две кварталы... В одной я проживаю, а в другой теперь – ты.

Конечно, этого объявления не было в приложении. Оно

нашлось на столбе, и позвонивший от безысходности по указанному номеру Никита быстро убедился, что далеко ходить не придётся. Он даже перепроверил адрес, так как не было похоже на то, что дом жилой. Но дедок, назвавшийся Аполлинарием Никандровичем, быстро продемонстрировал все блага современной цивилизации.

– Ты не бойсь, пацан, лампочка светит, до сортира во двор бежать не надо. Даже яишню можно спроворить. Гля, раритет! – И Аполлинарий Никандрович продемонстрировал неубиваемую чугунную сковороду. По кольцам жира и гари на такой можно посчитать её возраст. Как с деревом.

Никита никогда не относил себя к чистоплюям. Если живёшь в общежитии, так и помереть недолго. Но лег на кузнец-богатырь на продавленный матрас, косо заправленный выдавшим вида прожжённым верблюжьим покрывалом, с изрядной опаской. «Хорошо бы без клопов», – подумал Никита, переглянувшись с тараканом, ползущим по стене аккуратно на уровне его глаз. Живучее насекомое точно было здесь не единственным.

– Анна, извини, что ничего лучше не нашёл, – сказал Никита, как только где-то вдалеке за закрывшейся дверью утих голос полоумного хозяина, который явно был не прочь пообщаться сам с собой.

«Ну что ты, что ты, касатик! Я и похуже видала».

И полился рассказ, сопровождаемый яркими, до жути живыми картинками. Не оторваться! Темнота, переполненная

громкими голосами – и еле слышным шёпотом, который не заглушает поступи смерти. Даже органы чувств у Никиты работали теперь по-другому: он не видел и не слышал того, что окружало его в реальности, не чувствовал голода, будучи сытым крохами, которыми питалась тогда, сто лет назад, Анна. Холод пробирал его до костей, потому что батареи чуть теплились, о чём Аполлинарий Никандрович совершенно забыл упомянуть, но дрожь касалась лишь тела, тогда как духом парень обитал совершенно в другом месте. И пока он сидел где-то там, у костра с Анной, привлекательной молодой девушкой, слушая её рассказ, никакой мороз не мог отвлечь его от завораживающего монолога.

Никита не осознавал, что говорит вслух. И зашедший его то ли по-хозяйски, то ли по-соседски провести Аполлинарий Никандрович стал свидетелем половинчатого диалога, от которого стало бы не по себе кому угодно. Ну почти. Парень, незрячими глазами уставившись в стену, на которой замер давешний таракан, произносил что-то вроде: «Да-да, я понимаю!» или «Так и было? Ничего себе! А дальше что?» – и в любом нормальном человеке это пробудило бы желание вызвать бригаду. И нет, не пояснительную. Что уж тут непонятного? Поехал молодой человек, как нынче модно говорить, кукухой. Как бы не вышло чего...

Но Аполлинарий Никандрович к числу нормальных людей не относился. И дело было не в придури, которую с первого взгляда распознал в нём новоиспечённый жилец. Не в

ту сторону мысль-то побежала! Дедок, распорядившийся в расселённом доме, который чудом не оказался пока отрезанным от всех коммуникаций, не принадлежал к племени людей вообще.

Когда-то он был домовым. Вполне себе добрым. Довольствовался почётом, которым его окружали жившие в его доме люди. Только вот со временем стали считать Хозяина нечистью – и принялись кропить святой водой, пугать иконами и крестами. И домовый ушёл в подполье. Что фактически, что фигурально. Характер его день ото дня портился, и сколько пришлось пережить непочтительным людишкам – о том только они и ведали. Не только непонятные скрипы, охи и потусторонние завывания по ночам не давали им спать, но и хлеб портился моментально, и щи скисали, и молоко пропадало... Это в голодные-то годы! Потешился домовый, которому приглянулось упомянутое кем-то вскользь заковыристое имя-отчество.

Разрушение дома, из которого Аполлинария Никандровича никто не позвал на новое место, сильно ударило по нему. В другую избу переселяться? Так там и свои бедолаги имеются, которых тоже людишки мелкой нечистью считают и изводят почём зря. Вот и подался Аполлинарий Никандрович в город. Долго брёл, а когда и на телегу пробирался али в сани... Только прибыл он в Нижний Новгород в то самое время, о котором сейчас рассказывала Никите Анна, да и остался. Обжился. Стал частью города – слился с той его стороны,

которую не принято показывать дорогим гостям.

Не участвовал Аполлинарий Никандрович вместе с Домушкой, которого по всем неписаным законам должен был бы уважать и слушаться, в битве Света с Тьмой. Да если бы и прибыл он на поле боя, то занял бы ту сторону, к которой лежало его тёмное сердце. И это бы Домушке не понравилось. Но не таков был Аполлинарий Никандрович, чтобы в пекло соваться. Знал он: не бывает окончательных побед. Противостояние вечно, и когда выйдут из строя сильнейшие, настанет время посредственностей. Они ведь куда живучее, это племя. Как тараканы – один в один.

Так что дедок, наслушавшись обрывков диалога жильца с кем-то невидимым, вмешиваться не стал. А тем паче – вызывать бригаду. Чуял он, что творится нечто любопытное. То, чего Аполлинарий Никандрович давненько ждал.

Не седьмая вода

Никто не застрахован от нашествия родственников в новогодние праздники, особенно жители больших городов. И даже если вы не общались сто лет, это ни в коей мере нельзя считать страховкой от подобного бедствия.

Ну а если промежуток между встречами исчисляется не одним веком? Тогда родня, считай, уже чужая. А принимать-то надо как своих! И угощать, само собой. Мыши в сметане сгорели, зато каша и щи остались. Так что Йогиня встретила гостей не пустым столом.

Планы, правда, у неё были другие, и Кощей, вдруг попавший в компанию отъявленных ведьм, недоумённо поглядывал на хозяйку: зачем, мол, звала-то? Впрочем, это только до тех пор, пока сестрички не приступили к светской беседе.

– Погоды нынче стоят не то чтобы приятные, – для затравочки произнесла Рóга. – Не у нас на Балканах, конечно, а у вас здесь.

– Да тут, сестрица, приноровились огнём греться, – отозвалась Ежи.

– Свароговым, – не без яда уточнила Ендза.

– Аж от трёх Жар-птиц! – покачала головой Зíма.

Пехтра, задумчиво ковырявшая деревянной ложкой кашу, пока отмалчивалась. Но видно было, что поддерживает она сестёр. Всех, кроме Яги-младшей.

– Что ж, погода-то, конечно, морозная, но закалённому организму она не страшна, – решил вставить свои пять копеек Кощей и вдруг добавил роковое: – Правда, Йогиня?

– КТО?! – не замедлили завопить все пять забугорных гостей. Даже Пехтра не сдержалась.

– Я отдала имя Яге, – нехотя призналась Йогиня. – Она меня... спровоцировала. Да и какая из меня, если разобраться, Яга?

Молчание было очень коротким. А потом гости заголоушили все разом:

– То есть сейчас Яги просто нет? Ни одной?

– А силы куда делись?

– То-то я гляжу – тяжело стало!

– Ты чего наделала, окаянная?!

– О семье бы хоть подумала, дурья башка!

Кощей непроизвольно закрыл уши ладонями. Кот забился под тумбочку, где уже давненько обретался Пёс. Домушка с Анчуткой, отсиживавшиеся в своей каморке, показались в дверях комнаты, где был накрыт стол. А Йогиня меж тем в искреннем недоумении переводила взгляд с одной сестры на другую. В конце концов она решила уточнить:

– А причём тут вообще семья?! Это моё дело, вас не касается!

– Ты, видать, забыла, что сила-то у нас общая! – прошипела Ендза.

Она была изо всех сестёр самой неуживчивой и склочной,

и Йогиня списала бы её реплику на дурной характер, но тут подключилась относительно миролюбивая Рога:

– Вспомни-ка, Ягуша, о чём наша матушка говорила: хоть и по разным сторонам, а едины мы. И пока семь нас, не победит никто наше племя, не уничтожит!

– Слава о нас пронеслась по народам, друг друга мы сильнее делали, – добавила Зима. Была в её словах гордость за род, за славные времена.

– А по вере в неё Яга среди нас старшей была, – не слишком-то охотно произнесла Пехтра. Видать, непросто ей было признать главенство сестры над собой...

– Имя у вас было на двоих. И в сказках оно закрепилось, что давало силу не только вам, но и нам, – сказала, в свою очередь, Ежи. – Теперь же, раз ты другое имя носишь, а Яги и вовсе нет, то и вера в неё невесть куда исчезает, род не подпитывая.

– Для того и прибыли, как узнали о том, что тут у вас сотворилось, – вернула себе слово Ендза. – Надо, чтобы нас по-прежнему семь было.

– Вы её воскресить собрались, что ли?! – прошептала Йогиня.

Разом в памяти возникли матушкины наставления: и про то, что только всемером они будут по-настоящему сильны, и про то, что ссориться нельзя им (для того и отправлены были сёстры в разные места-стороны). Только никогда не относилась она сказанное к себе. Никчёмной она считалась в семье,

почти что юродивой. Где ж это видано, чтобы кто из их семьи кошаков выхаживал, жизнь за их счастье будучи готовой положить?

Да, жил у той же Яги-старшей Баюн до поры до времени, но не питомцем её был страшный кот, а соратником. Сколько вместе было набедокурено, пока кошка между ними не пробежала! И была то тётка Баюнова, что нагуляла где-то брюхо да произвела на свет полмешка отпрысков, и не где-нибудь, а в избушке на курьих ножках. Вечно один, самый мелкий из них, мяукал и под ногами путался! Невзлюбила Яга котёнка, вышвырнула вон, а тут её собственная сестра младшая, что как раз должна была испытание проходить (изводить добра молодца), подвернулась: подобрала, обогрела... Не простил колдунье Баюн, что с родичем его так обошлась. И с тех пор дорожки их не пересекались. До самой последней битвы.

Меньше всего хотела Йогиня, чтобы сестра её старшая из пепла возродилась. Вроде как и невозможно было это. Но откуда ей, недотёпе, знать? Недаром сёстры слетелись-съехались... А ну как и правда вернуть Ягу задумали? Тогда не то что боя – войны между Светом и Тьмой не избежать. Ай-ай-ай...

Всё это за доли секунды было передумано – пока Ендза слова для ответа подбирала. Только зря переживала Йогиня, про другое завела речь сестра-полячка.

– Кто туда попал, тому дороги назад нет, – отрезала Ендза.
– А надо нам в семью принять ещё одну колдунью, чтобы

семь было нас...

– Так а я полностью за, – стараясь не выдать своего облегчения, поспешила сказать Йогиня. – Семь так семь! Кого принимать будем?

– Пока, выходит, никого, – вмешалась Ежи. – Для обряда нужны Ендза, Пехтра, Рога, Зима, я... и Яга. Все шесть имён силы, матушкой нашей выдуманные, надобны!

– Так её же нет! – воскликнула Йогиня. – Ничего не понимаю!

– Оттого мы и взъелись так, из-за имени-то, – ввернула Зима. – Кабы ты его носила, то и заменила бы Ягу в обряде...

И тут снова влез Кощей, как будто ему мало было. Ну никакого политеся!

– Ну, что уж сделано, того не воротишь! – преувеличенно жизнерадостно выдал он. – Кому чайку подлить?

– Себе за пояс от души плесни, только подогреть перед этим не забудь, – тут же отозвалась Ендза. – Не твоего ума дело, воротишь или нет... Обмозговать это надо.

– Оно, конечно, да, – подхватила Йогиня и постаралась было разговор на другое перевести, да так, чтобы недалеко: – А кто у нас седьмой сестрой-то будет? Ну не Ямаубу⁹ же японскую звать...

– Есть и поближе кандидатка. В ней наша кровь течёт, – мигом отозвалась Ендза.

⁹ Ямауба (яп. ##) — персонаж японской мифологии, чудовищное существо, ёкай, «горная ведьма» или «горная старуха».

– И кто же это? – заинтересованно спросила Йогиня.

– Дочка моя, – со смесью гордости и смущения ответила Рога, а потом уточнила, глядя прямо Кощею в глаза: – Наша!

Видимо, последняя информация была новостью для всех, кроме, собственно, самой балканской ведьмы. Новоявленный отец, судя по всему, тоже ничего подобного не ожидал. Но отрицать свою причастность к рождению дочки Роги он не стал. Что, конечно, подтверждало слова ведьмы.

Наступило какое-то нарочитое, театральное молчание. Которое прервал возглас из-за двери:

– Едрить у вас эта... как её... «Санта-Барбара», вот!

И никто не сделал Анчутке замечания за вырвавшиеся слова. Мысли у всех более-менее с ним сходились. Родство – его ведь за пояс не заткнёшь. А особенно такое близкое. Это тебе не седьмая вода на киселе!

Кофе

Начало отношений – очень волнительный момент. Да и вообще ещё не понятно, есть ли что-то большее, чем дружба, приятельство, или тебе всё показалось. Где пролегает эта грань? И когда она преодолевается? Во время первого поцелуя? Или в тот момент, когда тебя простреливает насквозь от одного только невинного прикосновения?

Василиса не знала ответов на эти вопросы. Она много читала о любви и знала, чем отличается это чувство от быстро проходящей влюблённости, – но только в теории. Мальчики в школе были словно другого биологического вида: взглянешь на такого – и сразу веришь в теорию эволюции. Вот как с такими отношения заводить? А сама Василиса словно с облаков спустилась, в чём её неоднократно уверял брат Илюха.

«Тонкая душевная организация», – качала головой мама, когда невесть чем обиженная дочь убегала в слезах из кухни. Главному бухгалтеру крупной фирмы было невдомёк, с чего тут истерика. Но у девочки, всецело разделявшей идеи гуманизма, стоял в горле ком от разговоров об оставшихся без родителей детях, например. Или о подброшенных на порог офиса котятках, сбившихся в пищущий меховой клубочек на дне картонной коробки.

Но были у таких «странных» Василисы и плюсы: когда она заявила, что хочет поступать на филфак, никто её не от-

говаривал. Куда ещё идти тем, кто не от мира сего? Почти что женский монастырь. Увидев первую общую фотографию Василисиной группы, мама раз и навсегда успокоилась, потому что жидкоусеньких пареньков, которых и было-то всего трое, явно не стоило воспринимать как реальную угрозу добродетели её дочери. «Женщина-филолог – не филолог, мужчина-филолог – не мужчина», – вспомнила представительница славного бухгалтерского племени услышанную от кого-то фразу. Ну что ж, Василисе шанс найти вторую половину ещё представится, а пока можно забыть об извечной материнской тревоге за дочь и переключиться на заботы о безалаберном сыне, которому бы только в игрушки компьютерные играть. Вот кого бы женить поскорее!

А Василиса, не подталкиваемая никем, спокойно спала сном Авроры, ожидая поцелуя принца. Молодые люди из их группы действительно не привлекали её. Да и она сама не была первой красавицей курса. Обладая довольно трезвым для будущего филолога умом, девушка понимала, что из зеркала на неё смотрит заурядная персона, которой не хватает тонкости (душевная организация не в счёт), грации, обаяния – или, наоборот, яркости, импульсивности, порывистости. С тем она и пошла, пересилив себя, к психологу по имени Лада, но та как-то незаметно всё перевела на то, в чём Василиса хороша, да ещё и сценарий игры написать предложила. И девушка так и осталась некрасивой. Или, как говорила мама, «на любителя».

Кому было сказать Василисе, что у неё дивного оттенка глаза, что её курносый носик весьма мил и что не всем же нужны сушёные селёдки или девушки с варениками вместо губ? Таких не было. Подруги... А что подруги? Они хвалят друг друга – один в один как в строчках про кукушку и петуха. И где там правда?

Были в жизни Василисы и неясные томления. Глядя на влюблённые парочки, она задавалась вопросом о том, найдёт ли её когда-нибудь принц. Именно так: ей хотелось, чтобы отыскиали её, а не наоборот. Тот, кому она будет нужна, необходима, вырвет её из многолетнего сна и без усталости начнёт рассказывать ей о том, насколько она красива... И какое-то время Василиса даже ждала его, высматривала на улицах и в маршрутках, в кафе и в театрах. Но принца всё не было. А в один пасмурный, неулыбчивый день что-то внутри девушки перегорело, и она решила: некрасивой можно коротать жизнь и в одиночестве. «Надо присмотреться к кошкам. К зрелому возрасту их у меня должно быть не меньше сорока», – невесело усмехнулась Василиса.

Но заводить дома хвостатых не разрешила мама. И только тогда закончившая уже магистратуру филфака девушка задумалась о том, что ей нужно отдельное жильё. Хотя бы съёмное. Халтурки там и тут давали деньги, которые некуда было тратить. Василиса была холодна к нарядам и обуви, украшениям и гаджетам. Сценарий к «Велесовой игре» и вообще принёс ей невиданный гонорар, и, как бы она ни относи-

лась сейчас к результатам своей работы, это давало шанс зажить собственной жизнью. Да, родители никогда не попрекали её куском хлеба, а мама и вовсе постоянно пыталась обновить дочкин гардероб, пользуясь тем, то размер у них одинаковый. Но Василисе дома было душно. Она рвалась на свободу. Возможно, на то облако, с которого свалилась когда-то...

Но тут был один, как выражался Илья, затык: мама с папой никогда не отпустили бы любимую (и единственную) доченьку без веских причин. Нет, прямо она не спрашивала о том, можно ли ей пожить отдельно, но из разговоров родителей о ком-то постороннем ей удалось понять, что отселение каких-либо девушек «в никуда» ими не поощряется. Например, мама очень возмущалась поступком вполне взрослой дочери своей коллеги: «Куда мир катится?! Сняла квартиру, чтобы парней туда водить!» Зато так называемый гражданский брак, который на самом-то деле был пресловутым «сожительством», часто фигурирующим в криминальных сводках, её «современными, идущими в ногу со временем» родителями вполне допускался. И, что удивительно, даже приветствовался: нечего, мол, сразу бежать в ЗАГС – надо сначала узнать человека. Папа при этих словах жены тайком вздыхал, и у Василисы ненадолго ёкало сердце. Она всегда считала своих родителей счастливыми в браке людьми. Но вполне могли существовать скелеты в шкафу, о которых они с Ильёй не подозревали.

Василиса уже думала попросить брата обеспечить ей «прикрытие». Было бы неплохо, если бы он уговорил кого-нибудь из своих друзей убедительно сыграть роль её молодого человека... Но, если хорошенько подумать, ни один из этих увлечённых стрелялками парней не тянул на хорошего кандидата. Как бы хуже не вышло! Василиса, разговаривая на встрече за чебуреками с Ладой, уже хотела попросить помощи у неё: уж у психолога-то должны же быть адекватные знакомые! Но слова как-то не шли с языка.

А потом, прямо через считанные минуты после расставания с подругой возле чебуречной, в жизни Василисы появился Ярик. «Я на улице не знакомлюсь!» – хотела сказать она... но не смогла. И правда, как можно отказать человеку, который спросил у тебя дорогу, а потом принялся шутить так легко и непринуждённо, словно вы знаете друг друга уже сто лет?

Но главное было, конечно, не в этом: Ярик ей с первого взгляда понравился. «Может, он и не принц, но с ним прикольно общаться», – подумала Василиса, встретившись с этим хохмачом во второй раз, уже по предварительной договорённости. Бррр, какие слова противные! Было же банально: он позвонил, позвал – и она согласилась. Просто прогуляться по Покровке¹⁰. А потом посидеть в тихом кафе. И

¹⁰ Покровка (Большая Покровская улица) — главная улица Нижнего Новгорода. Расположена в историческом центре города. Связывает 4 площади: Минина и Пожарского, Театральную, Горького и Лядова. Одна из самых старинных улиц. Длина Большой Покровской — 2232 метра, 1236 из них сегодня — пешеходные.

снова увидеться через пару дней, чтобы сходить в «классное место» на Рождественской¹¹. И снова. И снова...

Во время пятой встречи Василиса решила попросить Ярика об услуге. Дружеской. И он согласился так просто, как будто всю жизнь только этим и занимался.

– Мама, папа, это Ярик. Мы будем жить вместе, – пробле-
яла Василиса через два дня, стоя в прихожей родительской
квартиры.

А дальше на сцену вышел прирождённый харизматик, и покорить сердца родителей «девушки на выданье» не составило для него труда. И когда Василиса на следующий день паковала чемоданы и укладывала любимые книги в коробки, на мамином лице блуждала довольная улыбка. Всё-таки, получается, она переживала, что её дочка останется старой девой. И теперь была спокойна относительно будущего «филолога на удалёнке».

Квартиру тоже Ярик помог найти: просторную, светлую, хотя и однокомнатную. Хозяйка, поддавшись его уговорам, разрешила даже кошку завести – при условии своевременной стрижки когтей, разумеется. И переезд прошёл при непосредственном участии Ярика. Василиса только успевала радоваться тому, как легко всё получается: мечты сбывались прямо здесь и сейчас. Мечты...

¹¹ Рождественская улица — улица в Нижегородском районе Нижнего Новгорода. Соединяет площадь Народного Единства перед Кремлём с площадью перед Благовещенским монастырём. Одна из важнейших туристических улиц города, с практически полностью сохранившейся исторической застройкой.

Когда Ярик, занеся последнюю коробку в квартиру, собрался уходить, Василиса очень хотела сказать: «Может, останешься? Кофейку выпьем!» Но слова не пожелали быть произнесёнными. Девушка стояла в дверях, не в силах разомкнуть губы. Ругая себя последними словами. Мучительно бледнея и краснея.

– Слушай, меня что-то рубит... Может, кофе? – произнёс вдруг сам Ярик, оборачиваясь в самый последний момент.

Где пролегает грань между дружбой и отношениями? И когда она преодолевается? Во время первого поцелуя? Или в тот момент, когда тебя простреливает насквозь от одного только невинного прикосновения?

А иногда достаточно просто чашки кофе. И необременяющей совестью магии, которую так легко творить, если ты бог...

Кошачья легенда

У каждого в жизни бывают удачные периоды. Золотые, одним словом. Как правило, они перемежаются чем-то в лучшем случае серым, а в худшем – беспросветно чёрным. Или коричневым. Это как повезёт, в общем-то.

Безрадостные оттенки окрашивали существование Баю-бая долгие века. Иногда ему казалось, что к золоту он не приблизится больше никогда. Людишки страх совсем потеряли... А кошачье племя порастрясло-промурлыкало свою гордость – кто на перинах, а кто и на сеновалах да в амбарах. Опустились до того, что еду стали выпрашивать! Как будто мыши на свете перевелись...

Баю-бай долго не мог взять в толк, откуда у тех, кто раньше людей разум обрёл, взялось это низкопоклонство. А потом пришёл к выводу, что всему виной лень. Что же ещё? Пока можешь добыть пропитание лишь на охоте, пока от твоего прыжка зависит, будет ли твоё брюхо полным или пустым, ни о какой праздности не может быть и речи. А если тебе достаточно научиться у человеческого младенца плачу да выдавать его при малейшем голоде, добытчик из тебя никакой становится.

Когда ещё Баю-бай голубоглазым котёнком с лапы на лапу переваливался, ходила среди его сородичей одна легенда. Когда только созданы были небо и земля, всё было в них хо-

рошо – и разноцветно, и благозвучно, и тепло, да вот только чего-то не хватало. Тогда и решил Творец, имя которого никому знать не дано, создать существо, которое наполнит свежерождённый мир гармонией. Даны были ему мягкие лапы и гибкое тело, дабы всегда оно могло скрыться от нескромных взоров, а также чуткие уши и видящие даже в темноте глаза, чтобы ничто не могло от него ускользнуть. Но самое главное – даровал Творец своему созданию способность утишать любые бури одним своим мурлыканьем. Ибо, раз гулял по свету Ветер, удержу не знающий, то могла от того приключиться разруха страшная. И названо было существо, усмирить бурю могущее, Котом.

И пошёл гулять по земле всесильный зверь. Все травы-цветы ему поклонялись, все прочие животные перед ним расступались, сам Ветер боялся его. Только скучно стало Коту, и обратился он к Творцу с просьбой дать ему пару, как всем остальным. Внял ему Создатель и подарил этому миру Кошку, которая ничем своему супругу не уступала. Единственный изъян был у неё: была хвостатая половина его не в меру любопытной. Куда Коту и в голову не придёт заглянуть, туда уж она устремится. А как пошли у них детёныши, так и пиши пропало... Все в мать! Везде лезут, всюду свои носики суют! И чем больше они по свету разбредались, тем меньше уважения было к ним, а заодно и к отцу их. Ну как, подумайте, преисполниться пиететом к племени, которое попросту в любую дыру захаживает?

Долго терпел Кот, кипели в нём гнев, ярость – и обида на Творца, что дал ему такую никчёмную пару, которая наплодила себе подобных. Только ведь такие чувства к Создателю не выразишь, ибо чревато неприятностями. Так и ходил-бурчал Кот. Ветер тем временем совсем осмелел. Разыгрывался не на шутку, и вот однажды такая буря разразилась, что стало днём темнее, чем ночью. Вышел тогда Кот, хотел было замурлыкать со всю мощь... Да ничего не получилось. Мурлыканье – оно ведь от довольства происходит. А какое у Кота довольство? Одни переживания да обиды.

Поломал Ветер деревья, а которые и с корнем вырвал. Осерчал Творец на Кота, отвратил свой лик от него. Что делать? Пошёл Кот по свету, и было всё равно ему, кто перед ним преклоняется, а кто равнодушно мимо проходит. Одна мысль была: как бы мурлыканье своё вернуть? Не ел и не пил Кот, странствуя по земле, совсем обтрепалась шёлковая прежде шерсть его... Потерял он уже почти последнюю надежду, как вдруг услышал, что кто-то мурлычет.

Побежал на звук – и увидел свою Кошку, которая у ног Человека сидела. А чуть поодаль все их котята играли с детёнышами людскими. Небывалое дело: давало гордое племя гладить себя! Но столько было в том мурлыканьи счастья невиданного да неслыханного, что решился и сам Кот к Человеку подойти. Тепло приветствовал его двуногий, опустил свою широкую ладонь ему на голову, провёл по шее и спине к хвосту – и потерял навсегда тот, кто способен был утишить

Ветер, свою свободу, Творцом данную. И он, и весь род его перешёл к людям в услужение.

Мурлыкал Кот, да больше не боялся его Ветер. Однако по милости Создателя появилась у кошачьего племени способность великая, Человеком ценимая: были хвостатые лекарями природными, почти что всеильными. Только чем дальше время шло, тем слабее Кот и Кошка становились. А их котят-там и подавно одни последышки от силы целебной остались. И надо беречь их поболее, чем зеницу ока. А как? Помнить следует о великих предках, сохранять толику свободы, глядеть на людей свысока. Но самое главное – своим умом жить, всегда одним глазом на миску с молоком смотреть, а другим – на порог, за которым воля вольная прячется. Истинно свободен лишь тот, кто всегда может уйти без оглядки.

Крепко запала кошачья легенда Баю-баю в душу. Не только запомнил он её, но и осмыслить пытался. Был он из своего помёта самым способным – и крепким, и проворным, и рассудительным. И самым крупным, чего уж там... Сама мама-кошка, подле семейства сильнейших ведьм живущая, дивилась: в кого, мол, такой уродился? Не иначе, колдовство помогло. Но сам Баю-бай был уверен в том, что в нём дух самого первого Кота, всеильного укротителя Ветра, воплотился. Рано он открыл в себе способность голосом вкрадчивым кого угодно в сон погружать. А уж как мог лечить он! Только для людей свой дар использовать не собирался, пока не принялся на двуногих охотиться: нашли они способ схва-

тить его, пленили – и пришлось ему исцелять тех, кто мнил себя его хозяевами. Но снова и снова сбегал Баю-бай, снова и снова угрожал спокойствию каждого человека, который в дальнюю дорогу отправлялся.

С Ягой рядом поселился – очень уж ему отношение её к людишкам нравилось. Жила там же и тётка Баю-бая, но была она кошкой ничем не примечательной. Да и котята её только досаждали... Особенно тёмно-серый – Замухрыш. Не то чтобы пользу, а вред принёс этот котяш: сбил Ягу-младшую с пути-дороги, и она сбрендила. То, что кошачьей братии стала помогать, хорошо, конечно, да разве тем её семейство славно было? Хоть и сам с Ягой-старшей расплевался Баю-бай, а всё винил Замухрыша в том, что не в своё дело полез. Совсем недавно отношения наладили, в битве вместе поучаствовали... И теперь, когда силы к Баюну возвращаться стали, задумался он: может, и Замухрыш на что способен?

С этой самой мыслью Баю-бай подошёл к миске, в которую Грохот регулярно наливал свежую воду. С тех пор как кот вылечил его спину от страшного ожога – самую дорогую. Баю-бай уловил иронию судьбы: когда-то его дальний предок способен был утишить Ветер, а теперь он сам утихомирил боль того, кто грозами да бурями повелевает. Выходит, достоин!

Но тут и новое применение силушек Баюновой нашлось. Из миски посмотрела на него не собственная морда, а другая. Не чёрная, а тёмно-серая. И принадлежала она Замух-

рышу.

– Беда, братец! – безо всякого приветствия начал серый.

– Ну и что там у вас приключилось? Йогиня твоя в очередной асане запуталась?

– Если бы! Сёстры её нагрянули. Новенькую принимать хотят. Дочку Кошечеву!

Баю-бай почувствовал, что глаза у него вылезают из орбит. Не самое приятное ощущение, если честно. Вот это новости! Впрочем, семейство ведьм никогда спокойно не жило. С чего бы им начинать?

– А я-то чем могу помочь?

– Ну ты же знаешь их... Ещё чуть-чуть – и раздерутся. А моя-то слаба ещё, против пятерых не сдюжит.

– И?

– Если кто и может их разнять, так это ты, братец! Не придёшь – беда будет.

– Да ладно тебе...

– Сестры вознамерились Йогине имя возвращать! А она не то чтобы желанием горит снова Ягой становиться.

– Скоро буду, – буркнул Баю-бай.

Это он для вида отнекивался, конечно. Как же приятно на главных ролях быть! Золотой век возвращался. И у Баюна были все шансы самому стать кошачьей легендой.

Золото

Самая волшебная пора нашей жизни таит множество секретов. Детство – это не только «когда», но ещё и «где». Кажется, тебе просто надо узнать правильную дорогу, отправиться в путь – и ты снова там. В месте, где скрыт золотой ларчик, в котором спрятано от посторонних глаз нечто невероятно важное, без чего ты – уже не ты.

Психологи разных мастей любят покопаться в нашем детстве: им хочется обнаружить тот самый клад, подобрать к замочку подходящий ключик... И далеко не всякому приходит в голову, что заветный ларчик может быть ящиком Пандоры. Откроешь – и будет уже поздно. Рухнут под ударами стихии стены, которые человек так тщательно возводил вокруг своей души. Да, это может стать освобождением. А может лишить последней защиты.

Лина была у психолога всего один раз, да и то не для себя, а чтобы помочь сыну. И до сих пор вспоминала этот визит с содроганием. Ей повезло, что в кабинете психологического центра нашла приют настоящая богиня. Любой другой специалист, всего лишь человек, лишился бы разума, увидев, как скромная мать-одиночка превращается в Жар-птицу. Именно это сказочное существо охраняло Линин золотой ларчик. Теперь стража не было, но опасения остались. И Лина к психологу не пошла.

Как описать тому, кто не в теме, причину обращения? «Знаете, у меня дочка стала Жар-птицей, и я теперь боюсь – за неё и за окружающих. А ещё у меня в квартире бог Белого света в депрессию впал. Не подскажите, что делать?» Пожалуй, Лину сразу отправят к другому специалисту – к психиатру, а тот – на принудительную госпитализацию. И проблеме это точно не решит.

Локи, которого Лина просила разузнать, что означает столь внезапное появление Жар-птицы, на связь пока не выходил, а надоедать ему явно не стоило. Вдруг разозлится и вообще откажется помогать? Ведь, если честно, свою часть договора Лина вряд ли сможет выполнить. Налаживать отношения с Ладой, пока всё так зыбко и пугающе, не хотелось. А без возобновления душевной дружбы нечего было и думать «топить» за Локи.

Свят помощником считаться не мог – ему самому требовалась поддержка, на которую приходилось тратить последние силы. А дети... За них-то Лина и переживала. Ради них-то и приходилось делать вид, что всё хорошо. «Настя теперь Жар-птица? Ок, главное её не злить». А ещё не мешало бы придумать, что делать с садиком. Вероятно, от него придётся отказываться. Маленькая девочка не сможет контролировать Сварогов огонь, проснувшийся у неё внутри. ЧП в дошкольном учреждении не нужно было не только администрации, но и самой Лине. А как же тогда работа, на которую нужно будет устраиваться? Деньги уже почти закончились...

Проблемы, проблемы, проблемы! Лина чувствовала нечто максимально близкое к отчаянию. Почему всё сама? Говорят, что хуже всего – одиночество в толпе. Но Лина теперь точно могла сказать: нет ничего гаже ощущения брошенности, оставленности, когда рядом с тобой родные и близкие люди. Ноша становится всё тяжелее, выхода не видно... При одной только этой мысли кислород начинал заканчиваться – и Лина подбегала к окну, откидывала створку и вдыхала морозный воздух.

Огромных усилий ей стоило поставить на паузу возрастающую тревогу. «Соберись!» – велела она себе. Жёстко, хлёстко, как будто пощёчину отвесила. Если никто не сможет помочь, что ж, Лина сделает всё сама. Как-то же она существовала до появления в её жизни Свята. Да, иногда приходилось «жонглировать» детьми. Да, иногда проблемы накапливались, чтобы попытаться раздавить её подобно громадному снежному кому. Но она справлялась. Справится и сейчас.

Лина понимала, что золотой ларчик, запрятанный в дебрях детства, нужно найти. Самой, раз она не доверяет психологам. Открыть его и извлечь оттуда пресловутый ресурс, о котором все с таким самозабвением говорят. Вооружиться оным – и в бой. Или в разведку, это уж как получится. Надо только сосредоточиться... Уложив детей и убедившись, что Свят тоже спит, Лина заперлась на кухне, заварила себе чашку чая с мятой и укрыла плечи невесомой, но тёплой шалью

(из-под окна дуло, и ночные посиделки грозили закончиться скрюченной спиной). А потом прикрыла глаза и попыталась вспомнить свой самый счастливый день.

Деревня. Ленивое утро. Солнце, только-только вставшее и заигрывающее из-за занавески. Запах парного молока и свежего хлеба, за секунду до того покинувшего жаркую печку. Бабушка не спит уже давно. Поднялась с петухами, которые горланили по всей деревне, пытаясь перекрычать друг друга. Маленькая Галка держит в ручке перо, выпавшее накануне из хвоста рыжего бабушкиного «будильника». Солнечный луч окрашивает прибережённое сокровище, и оно вспыхивает искрами.

– Баб Тонь, а наш петух что – Жар-птица?

– С чего это ты взяла?

– Посмотри, как его перо горит! Золотом!

Бабушка не спеша вытирает руки краем передника и нарочито аккуратно, с почтением берёт в руки Галкино сокровище.

– И правда! Наверное, он Жар-петух, – говорит серьёзно-серьёзно баба Тоня.

– Волшебный? Прямо из сказки?

– А то как же!

– Может, он желания исполняет?

– Кто его знает... Может, и исполняет. Ты его попроси – и увидишь.

Весь день Галка пыталась подкараулить Жар-петуха. Сна-

чала и желания-то у неё никакого не было. Велосипед у неё есть, а большего счастья и представить невозможно! Но потом, пока куриный защитник, недовольно ворча что-то на своём, снова и снова убегал от настырной девчонки, у неё постепенно проклюнулась мечта. Может, сумасшедшая, может, нелепая, но уж какая есть. И ближе к вечеру, загнав наконец в угол несчастного петуха, Галка шепнула: «Я тоже хочу быть Жар-птицей. Настоящей! Золотой! Сказочной! Ты только сделай так, пожалуйста, а я буду отдавать тебе самые вкусные семечки. Послебанные!» Жар-петух пристально посмотрел на девочку круглым глазом... и подмигнул! Может, конечно, показалось. Птицы вообще это умеют? Но Галка была уверена, что теперь всё «на мази», как говорил иногда папа.

Но следующим утром она проснулась в своём прежнем теле: никаких перьев, никакого золота... Никакой сказки! Плакать не хотела, но слезы сами покатались. А там и подвывания недалеко. Так что баба Тоня услышала и пришла. Галка ей объяснила, что случилось: обманул её Жар-петух!

– Так оно, может, внутри тебя засело, золото это! – сказала, немного подумав, бабушка. – Вот как попадёшь в сказку, тут-то оно и проклюнется. Покроешься перьями огненными – собой залюбуешься. Только подождать надо. Испытания пройти.

– Как в сказке?

– А то как же! Только смотри – не забудь Жар-петуху се-

мечек отнести.

– Так это после бани...

– Сегодня же как раз суббота. Пошли дрова носить!

Вечером, аккуратно после бани, петух вместе со своим куриным гаремом лакомился «последанными» семечками. А Галка смотрела на его шикарный хвост и мечтала: у неё тоже будет такой. Даже ещё лучше. Золотой!

День тянулся за днём, новизна ожидания поистрепалась, и вот уже другие желания заслонили стремление стать Жар-птицей. Забыт был и петух, который особенно недовольно смотрел на Галку субботними вечерами. А потом в омуте памяти утонули и все воспоминания о золотом пере. Чтобы всплыть через много лет в чашке мятного чая.

Лина подняла голову и машинально пригубила остывший уже напиток. Её удивлению не было предела. Это всё ведь и правда было с ней – тогда, когда её ещё звали Галкой, когда не было ещё обидного прозвища «Курица». Когда сказка была рядом, прямо в руках... Было – и забылось.

А между тем, воспоминание-то было важное. Очень. Но оно давало не ресурс, на который надеялась Лина. Оно, возможно, принесло решение её проблем. По крайней мере, в это вполне можно было поверить.

Тот, давний, Жар-петух наверняка закончил свои дни в супе. Только мало ли рыжих куриных ухажёров? У кого-то из них наверняка можно попросить об одолжении. Лина была готова даже накалить «последанных» семечек на чугунной

сковороде ради такого дела.

Что дало Лине уверенность в скором разрешении проблем? Всего лишь воспоминание из детства. Оказалось, что она сама напросилась стать Жар-птицей. Всего лишь поверив в сказку. Так что же ей помешает попросить ещё раз? Только не обывательские глупости вроде здравого смысла. Не только молчание – золото. Драгоценного металла хватает и в других простых вещах.

Дочь Кощея

Сёстры часто бывают похожи – хоть лицом, хоть характером, хоть повадками. Но не каждую устроит быть чьей-то копией. Вот и все семь дочек ведьмы, нашедшей себе приют в тёмном лесу, старались максимально отличаться друг от друга. Один ли был у них отец или нет, о том они не знали. Матушка и вовсе сказала им, что попросту наколдовала каждую. То есть ни одна особь мужского пола якобы не пострадала.

С людьми девочки, понятно, не общались, но видели, что у всякого медвежонка есть и мать-медведица, и отец-медведь, у всякого лисёнка тоже по два родителя. Белки, ежи и даже лоси с оленями – туда же. Вот у зайчих всё было куда интереснее: они и дома-то своего не имели, всю жизнь под кустом хоронились, а потомство и вовсе где попало оставляли. Мол, будет мимо другая ушастая недомать бежать – накормит. Но и этот способ растить детёнышей не походил на то, как ведьма обращалась со своими дочерьми.

Матушка воспитывала каждую из них не просто так, а с определённой целью. Должны они были роду людскому проблемы составлять, чтобы не жилось легко ни одному человеку. А не любила смертных ведьма за то, что нарушали они природный порядок. И тут она находила полное взаимопонимание с лешими. Это сотрудничество было порой столь тёп-

лым, что девочки начинали подозревать: они, может, в родстве с хозяевами леса. В такие моменты они особенно тщательно вглядывались в свои собственные черты, отражавшиеся в спокойных водах реки. Не похожа ли их кожа на кору? Не торчит ли откуда сучок? Не прорезалась ли веточка? Каждая, понятно, всё это проделывала втайне от сестёр. И все они вынуждены были с разочарованием признать, что лесные к их появлению на свет не имеют никакого отношения.

Ведьмы, чья жизнь почти что бесконечна, взрослеют по-иному, не по-людскому. Не одна сотня зим минула, пока заневестились матушкины дочери. Только к кому присмотреться, кому себя показать? Зазря, получается, наряды расшивались, зазря украшения плелись, зазря щёки румянились, а брови чернились... Не за лучшего же замуж идти! Этак недолго и навсегда среди деревьев поселиться. А матушка вложила в дочерей амбиции непомерные, желания великие – обещала она им земли богатые да обширные, только умей взять. Где же женихов сыскать достойных? Не всякому такое приданое на пользу пойдёт!

Не знали того юные ведьмы, во сне не открывалось им, наяву представить себе они не могли, что задумала матушка и вовсе их без мужей оставить. Не терпела она сама подле себя мужского полу – и в том полагала источник своей силы. А дочкам, что должны были чуть ли не всю ей известную землю заполонить, следовало обладать волей негибимой. Откуда таковая у замужней?

И вот раз навестил ведьму гость непрощенный: глаза его синие горели ледяным пламенем, голова была короной увенчана, на боку висел меч, поражений не знающий. Кощей! Неласково его встретила матушка семи дочерей, но был он силён, так что выставить за порог нельзя было – а ну как осерчает! Пришлось накормить, напоить да спать уложить. «Не это ли отец наш?» – спросила потихоньку Ендза у матери. Та не только головой покачала, но и пальцем у виска покрутила. А дочерям-то только этого и надо было: раз не отец, так может мужем стать! Засиделись в лесной избушке ведьмочки, до мужского полу разохотились...

Каждая из них была по-своему хороша. Пехтра была высока и надменна, ровно царица. Ендза имела косы цвета воронова крыла и глаз острый. Ежи отличалась весёлым характером. Зйма имело лицо белое да глаза льдисто-прозрачные. Яга имела красоту дикую, поистине колдовскую, а какие речи говорила – заслушаешься! Рóга тоже была миловидна, да вот бела – говорящее имя пришлось матушке дать ей. Украшали голову девочки рожки наподобие бараньих, и росли они с каждым веком. А младшая и вовсе своего имени назвать не могла – было оно покамест у неё с Ягой общее, пока испытание не пройдёт. Ничем примечательным она не отличалась, разве что сердце у неё было доброе, что матушке, конечно, не по нраву пришлось.

И вот оказался Кощей в таком цветнике. То та подойдёт, то эта... Потчевали его, песнями слух услаждали, дарили

рушники вышитые. Только младшая стеснялась приблизиться. А Кощей лишь втихомолку посмеивался: не были ведьмы, сколько угодно юные, ему надобны. Красавиц-то сколько на свете! И белых, и румяных, и дородных, и в неге выращенных... Сколько похитил он их на своём недолгом пока веку – и не счесть! Куда до них ведьминым дочкам! Он и пришёл-то сюда, в глушь, чтобы на время от одного не в меру ретивого и ревнивого витязя схорониться.

Откуда было прознать ему о том, что приглянулся он пуще всего той, чья головка была рожками увенчана? Не надеялась она на свою пригожесть, на рукоделие и на голос, а потому собрала она травы заветные, в полнолуние приготовила из них отвар да на следующий день в питьё Кощею и подлила. Не учила Рогу тому матушка – сама она зелье сочинила, ибо в учении прилежнее других была.

Уехал Кощей вскорости, а ведьмочка рогатая преисполнилась терпения. Младшая их сестра проверки не прошла и была с позором из избушки изгнана, разве что имя, от которого она одна и могла отказаться, за ней осталось. А прочих дочерей матушка разослала по всем известным ей землям. Пехтра добралась до тех мест, где потом Австрия образовалась, Зима заняла будущую Словению, Ендза под себя устроила те леса и поля, что позже Польшей стали называться, а Ежи нашла приют в горах и долинах, что через много чехов Чехией стали. Рога же обширные земли заполучила, и теперь почитали её в Сербии, Черногории да Хорватии. Яга подле

матушки осталась, и не зря: не прошло и века, как та слегла, а однажды и совсем не проснулась. Перед смертью передала ведьма дочери силу свою, и стала та почитаться как главная среди сестёр. Да и люди её боялись так, что любо-дорого послушать!

А Рога, без материнского присмотра оставшаяся, провела обряд, который долго продумывала – призвала того, кто зелье её выпил. И уже в следующее полнолуние отыскал её Кощей, и жили они вместе счастливо, пока не сорвались однажды с уст Роги роковые слова: «Выходит, любишь ты меня! Наверное, и без присухи можно было обойтись...» Взбешён был ухажёр – провела его рогатая девчонка! Не желал он больше видеть обманщицу, исчез ещё до рассвета. Опечалилась Рога, корила себя за глупость, но недолго: как только поняла она, что носит под сердцем дитя, счастье вернулось к ней – уже навсегда.

Эту-то нехитрую историю любви и поведала после спешного ухода Кощей Рога сёстрам, которые выслушали её рассказ в молчании. Но лишь только прозвучало последнее слово, посыпалось неизбежное:

- Лиса ты рогатая!
- Змеюка подблюдная!
- Чтоб ты падучая взяла!
- Кошка драная! Перцу бы тебе под хвост!

Только Йогиня отмалчивалась. Ей стала ясна вся картина, увиделась вживе: вот Рога узнаёт о гибели Яги (земля-то

слухами полнится!), вот она встречается с сёстрами и как бы невзначай сетует на убывание силы, вот предлагает решение – принять в семью её дочь. Откуда та взялась, не говорит. Может, наколдовала, как когда-то их матушка? И всё бы обошлось, если бы не встретила Рога здесь, у Йогини, любовь свою давнюю. Разом двух зайцев подстрелила: и сёстрам носы утёрла, и Кощею про дочь сообщила. Только вот не догадалась Рога, что эти стрелы в неё же и прилетят. Вот тебе и похвасталась...

Йогине эта распря только на руку была. Может, не договорятся теперь сёстры, и тогда будет им не до «кошачьей бабушки»? Очень уж не хотелось ей обратно Ягой становиться. Оно ведь как было? Имя-то сильное: включало оно и злое, и доброе. Первое старшей сестре отошло, второе – младшей. Прикипела за долгие века злоба к Яге, так что, заполучив имя в единоличное пользование, добро она отринула – и оно у Йогини осталось. А в имени, теперь вакантном, одна Тьма осталась непроглядная. Взяв его обратно, хоть и ненадолго, рисковала Йогиня стать совсем другой. Кто мог ей дать гарантию, что она не превратится в Ягу – такую, каковой была её старшая сестра на поле битвы?

Но судьба – весьма легкомысленная дама со своеобразным чувством юмора. Именно в тот момент, когда пять сестёр собирались сцепиться не на шутку, а Йогиня уже мысленно праздновала победу, явился позванный Котом на помощь двоюродный брат – Баюн. Важно выйдя на середину

комнаты, он сел и, зажмурив глаза, замурлыкал. Громко, как когда-то его предок, способный утишить Ветер.

Вопли замолкли, сёстры замерли. В этот момент они стали вдруг удивительно похожими друг на друга. И ещё одна гостья, возникшая в дверях нежданно-негаданно, застала семейную идиллию: сёстры сидели полукругом, а взоры их были наполнены любовью.

– Как же славно, матушка, вы тут устроились! А я боялась, что подерётесь! – сказала хорошенькая ведьма, подходя к Роге.

Молодуху, которой никак нельзя было дать больше двухсот, не портили даже бараньи рога. И если бы не мурлыканье Баюна, имевшее власть и над ней, Йогиня бы крепко пожалела, что впустила сестёр в своё жилище. Исходящая от её племянницы сила ясно давала понять: шутки закончились. Дочь Кощея готовилась занять подходящее для неё место.

СНЫ

У трикстеров сложные отношения с правоохранительными органами. С одной стороны, они вечно нарушают установленные порядки. С другой – практически никогда не попадают. Локи о немногочисленных провалах забыть не мог: напоминали шрамы вокруг губ. Когда тебе зашивают рот, остаётся только терпеть и делать выводы.

Разумеется, Локомотив Лафеевич Честных рисковал, занимая кресло господина Велесова. Когда о пропаже отца заявил Ярила, доблестные правоохранители забегали. Обследовали квартиру, тщательно подготовленную к их визиту, «сняли пальчики». По всему выходило, что по месту фактического проживания господина Велесова в последнее время побывало не так много людей – помимо него самого, ещё трое. Ярослав Власьевич, сын пропавшего, и Локомотив Лафеевич, временно исполняющий обязанности гендиректора холдинга, без вопросов прошли процедуру снятия отпечатков пальцев. Они и не скрывали, что посещали квартиру перед Новым годом. Но вот кто был третьим?

Разумеется, Локомотив Лафеевич не стал их посвящать в крайне сомнительную для обычного человека информацию: третьей была Яга. Да и вряд ли следователей могла всерьёз заинтересовать безвременно почившая дама нескольких сот лет от роду. Зато неопознанные «пальчики» направляли по-

иски в сторону от, собственно, Локомотива Лафеевича. Удаляя из квартиры нежелательные предметы вроде обломков ступы или шерсти Зверя, он намеренно оставил отпечатки на месте. Затёртые следы всегда подозрительны.

А ещё рыжий молодой человек приятной наружности предусмотрительно пообщался с немногословными соседями мясного магната и внушил им мысль о том, что он давний знакомый хозяина квартиры. Вот даже «собачку» его выгуливает. Этот самый пёс, сильно смахивающий на волка (и, если честно, им и бывший), уже не первый год служил причиной невроза не только благообразных и весьма неплохо одетых дам элегантного возраста, но и мужчин в самом расцвете сил, могущих позволить себе юных и прекрасных спутниц. Раз уж этот молодой человек со странным именем не боится водить Серого на поводке, то и вопросы отпадают: ясно же, что господин Велесов не доверил бы своего пса абы кому. Да никто посторонний, пребывающий в своём уме, и не взялся бы за такую сомнительную авантюру.

Во время разговора со следователем, происходившего прямо в кабинете гендиректора, Локомотив Лафеевич вёл себя подчёркнуто доброжелательно, отвечал кратко и, что называется, по существу. Да, господин Велесов, собиравшийся некоторое время провести на горнолыжном курорте (кажется, в Красной Поляне), попросил его присмотреть за холдингом, пока он в отъезде. А заодно и посмотреть на производство и сбыт свежим взглядом. «Я всё-таки выпускник

Оксфорда», – без ложной скромности уточнил Локомотив Лафеевич. Вот и фотография в рамочке, так кстати оказавшаяся на столе, подтвердит. Следователь явно недоумевал по поводу того, какие дружеские, да хотя бы и просто приятельские, отношения могли связывать господина Велесова, человека солидного возраста, с юнцом, и собеседник (никакой не подозреваемый, что вы!) как бы между прочим обронил, что Власий Власьевич был хорошо знаком с его, к сожалению, усопшим отцом.

О том, что Локомотив Лафеевич при первом своём появлении в приёмной был принят самим гендиректором как дорогой гость, рассказала и секретарша Татьяна. О чём шеф разговаривал с молодым человеком, она не знала. Распоряжений насчёт Локомотива Лафеевича ей от господина Велесова не поступало. Но он вообще редко звонил Татьяне. Да и в личных беседах ограничивался обычно несколькими фразами. На любовницу солидного человека Татьяна похожа не была, держалась просто и вежливо, хотя её и несколько встревожил визит следователя. «Пальчики» в квартире пропавшего были не её, так что в разработку секретаршу брать не стали. Но кто же был этим третьим? Или третьей?

Локи был спокоен: обвинений ему никто не предъявил, по делу он шёл как свидетель. Он вполне допускал слежку за собой и был подчёркнуто к ней безразличен. Маршрут «работа – дом», регулярные визиты в рестораны, посещение гипермаркетов по выходным, закупка продуктов на неделю...

Никаких подозрительных контактов. Вернее, вообще никаких встреч и телефонных разговоров не по работе. Скучища!

С Ярилой Локи частенько общался посредством реки Сновидений. Такой канал не отследить! Наследничек немаленького состояния был занят едва-едва завязавшимися отношениями – со смертной. Ну что ж, дело молодое. «Главное – почаще напоминай следователю о себе. Мол, как там дело продвигается? Как мой дорогой отец? Ты же встревоженный его пропажей сын, как-никак», – втолковывал Яриле трикстер. Легкомысленный бог слушался. А что ему ещё оставалось?

Было у Локи и ещё одно дело. Бывшая Жар-птица по имени Лина просила его разузнать, не предстоит ли в ближайшем будущем её дочери, в которой внезапно пробудился огонь Сварогов, принимать участие в новой битве Света с Тьмой. И при этом ему нельзя было никому говорить о её, так сказать, обстоятельствах. Что ж, Локи не считал себя знатоком славянской мифологии (так, кое-что слышал по соседски, не более), но и местные боги, похоже, ни с чем подобным до сих пор не сталкивались, так что шансов разгадать этот ребус у него было не меньше. Или даже больше, учитывая его более трезвую голову. Когда твоя судьба не на кону, думается легче.

Конкретного плана не было. Нельзя расчертить реку Сновидений на квадраты и методично осматривать их один за другим. Это так не работает. Сны не поддаются расписанию

и какой бы то ни было логике в целом. Видеть один и тот же сон ночь за ночью сродни пытке, и ни один мозг – ни человеческий, ни божественный – не будет так над самим собой издеваться. Поэтому оставалось полагаться на удачу. Как с сердцем Жар-птицы. У Локи были непростые отношения с судьбой, пророчествами и прочей дребеденью, но походило на то, что предопределение существует. Если ты должен что-то найти – ты найдёшь. И не исключено, что тебя бесцеремонно ткнут в это носом. Но тут есть важный момент: пускать дело на самотёк нельзя. Ты должен стараться. Потому что где-то кто-то учитывал твои усилия. Те, что ты предпримешь в будущем... В общем, всё сложно.

Упрощать Локи умел. Закрывать глаза на одно, отложить второе, забить на третье... И он начал просто наслаждаться полётом. Не даром Лада не так давно прельстилась, когда он прозрачно намекнул ей на возможность вновь обрести крылья. Интересно, а птицы получают такое же удовольствие? Или они не замечают прелести полёта, привыкнув к ней? Кстати, Жар-птица ведь тоже из пернатых... А видит ли сны она сама – отдельно от своей носительницы?

Однако трикстеру ночь за ночью не везло. Возможно, он пошёл по ложному следу. Наверное, надо было отслеживать Тьму. У Локи не было ложных надежд на этот счёт: негодяи всегда остаются. Это константа жизни. И кто-то из них вполне может активно вынашивать план реванша Тьмы. Так увлечённо, что и во сне ему грезится битва. С победой или

поражением – вопрос открытый. Но если грёзы проникнуты настоящим чувством, их можно заметить издалека – они переливаются перламутром или надвигаются грозовой тучей. Не перепутаешь.

Но Локи надоело и это. Бросаться на каждый всплеск красок, ярких и не очень, было выматывающим занятием. Никакой полёт не спасал. А днём ведь ещё работать над будущим благосостоянием господина Велесова-младшего, сиречь Ярилы. Ну и над своим собственным, не без того... Пора было заканчивать с этим балаганом... Связаться с Линой или ждать, пока она сама это сделает? Не смог, мол. Случается. Однако, уже собираясь в очередной раз возвращаться к своему почти что человеческому телу, обмякшему в кресле у камина, Локи зацепился взглядом за внезапную вспышку перламутра.

Подлетел на авось (кажется, русского духа в трикстере становилось больше, чем позволял холодный расчёт) – и увидел нечто необычное. Настолько, что чуть не присвистнул. Это был сон какой-то девушки, в котором она надевала на голову корону, готовую по глубокому чёрному оттенку обогнать даже беззвёздное небо где-нибудь в медвежьем углу. «Красивая!» – не мог не признать Локи. Правда, рогатые были не в его вкусе, но...

Девушка наслаждалась мигом триумфа по полной. Особенно же ей импонировало то, что под её ногами распростёрся Кощей. Да-да, тот старичок на ЗОЖе, что крошил леших

в квашенную капустку. Любопытно, однако...

И в этот самый момент сверкнула молния в сгущающемся мраке. Сон неподалёку становился донельзя мрачным. И мерцали в самой его сердцевине огненно-золотые перья. Человек ли видел это? Большой вопрос! Может быть, Локи удалось всё-таки найти и сон Жар-птицы?

Путь к сердцу...

Гостеприимство – дело похвальное. Особенно если пожаловали сёстры, давным-давно почти что потерянные. Как предложишь им в гостиницу перебраться? Тем более что никто, кажется, покидать квартиру номер 13 и не собирался. Все пять ведьм (никаких оценочных суждений, просто констатация факта!) и дочь одной из них вознамерились ютиться тут же, неподалёку от печки.

Домушка любезно предложил дамам свою каморку: Анчутка всё равно предпочитал подванное пространство, а Никита съехал сразу после битвы. Сам же Хозяин мог пока и на кухне дневать-ночевать. Предложением воспользовались только Ежи, Рога и её дочь. Ендза, Зима и Пехтра предпочли подле Яги-младшей устроиться. Никакой Йогиней они, конечно, её не называли. Поддерживать эту блажь несусветную? Вот ещё!

Понятно, что не из сестринских чувств польская, австрийская и словенская гости от хозяйки не отставали. А ну как уйдёт?! Никак того допустить нельзя! Пока думушка думается, как непутёвой сестрице имя исконное возвращать, из виду терять её не след. Что-то не больно она о семье радеет! Как всегда была отрезанный ломоть, так и осталась... Дались ей эти хвостатые!

Кот с Псом затаились. Воздух в квартире едва-едва не по-

трескивал от недобрых мыслей, направленных на гостеприимную хозяйку. И от тех, что в ответ неслись, – тоже. Шерсть дыбом вставала! Баюн побыл тут всего ничего, да братец двоюродный его дольше держать и не стал. Ну, успокоил сестричек. Ну, вроде как примирил. Утишил, одним словом. Чего больше? Только вот сути дела Баюн поменять не мог: кровь в сёстрах бурлила, требовала воссоединения отнюдь не великолепной семёрки. А это посильнее некоторых стихий будет!

Домушка позвал хвостиков на кухню, когда все остальные спать улеглись. Тут же и Анчутка обретался: пока все дамы очень и очень элегантного возраста готовились отходить ко сну, он предусмотрительно покинул своё обиталище. Женский пол всё-таки. А тут, на кухне, чаёк травяной, который можно с блюдечка потягивать с присвистом, с побряхтыванием да сахарком кусковым прихрустывать.

– Вы, животинушки, не переживайте! Йогиня найдёт выход, так не оставит. И Ягой делаться не будет. Да вы и сами это понимаете, – заговорил Домушка, насыпая Коту и Псу побольше корма. Мельком глянул: новый, что ли? Заграничный...

А Кот и Пёс, хрустя не хуже Анчуток, и впрямь начали преисполняться спокойствия. Битву с Тьмой пережили, целёхоньки остались, а тут от малости какой-то занервничали. Да, сёстры Яги заявили. Малоприятные создания, чего и говорить. Но ведь не все. Та, которая с рогами и морщинами, – добрая, они-то чувствуют. Ну, связалась с Кошечем. Ну,

прижила от него дочку. Так ведь и Кощей на сторону Света перешёл. Весь такой правильный – аж тошно. А рогатая эта – навроде Йогини. Может, даже и животным там, у себя на Балканах, помогает. Не афиширует просто. Это и понятно: при таких сёстрах лучше иметь побольше секретов. Один вон раскрыла – и чуть было беды не случилось.

Домушка ещё во время приготовления к ночной чайной церемонии перекусывать начал. Лукум это, что ли? Сладкий, но не приторный. Приятный. Жаль, Анчутка отказался. Так и сидит со своим блюдечком, прихлёбывает. И молчит. Ну что ж, Домушке и без собеседника неплохо. Впрочем, хорошо было бы Роге зайти. Кажется, она приятная. Уютная какая-то. Про муку перед сном спросила, про дрожжи. И даже тесто замесила, вон уже подходит. Утром, сказала, пироги печь будет. Вот это хозяйка! Домушка это дело уважал. Даже оставил Рогу на кухне одну, пока она над мукой и дрожжами колдовала. Пироги – дело личное, почти что интимное, Домушка это прекрасно понимал. И уже предвкушал давно забытое удовольствие, которое начинается с запаха, разносящегося из печки, и заканчивается послевкусием на языке, которое долго ещё не проходит. Хорошие пироги чудеса творят. А Рога, по всему виду, такие и спечёт.

Анчутка поглядывал на друга и боевого соратника с подозрением: чего это он лыбится и вверх смотрит мечтательно? Чай, не молодёжь какая! Втрескался в кого, что ли? Никак, в молодую ведьмочку? Только там ведь Домушке ничего не

светит. Анчутка сразу от неё почуял амбиции непомерные, гордость небывалую – такой бы Велес-Зверь в пару сгодился. А может, кто другой Домушке приглянулся? Жил же он вон сколько времени с Ягой! Вкусы у него специфические, ничего не скажешь. Хотя бы рогатая-старшая...

Ни за что не стал бы ей Анчутка на месте Домушки кухню уступать, даже на время. Тесто ей, видите ли, приспичило замесить! А утром, ещё, поди, дó свету, припрётся пироги лепить. Ишь ты, хозяйка на чужой кухне! Что-то именно в этой сестре, которая казалась вроде как добрее прочих, Анчутку настораживало. Не из тех ли она, что мягко стелет, да жёстко спат? Но Домушка, кажется, нисколько не переживал на этот счёт. И Кот с Псом успокоились. Однако и это казалось Анчутке подозрительным – настолько, что он решил помалкивать.

А утром и правда на кухню Рога пришла ранёхонько – ещё пяти не было. Домушка безропотно перебрался в коридор, улёгся там уютно, как всегда и везде, но заснуть не мог: предвкушая запах пирогов, он уже, кажется, чуял его. Скорей бы! В большой комнате переворачивалась с боку на бок Йогиня, а возле печки вполглаза дрыхли на раскладушках Ендза с Пехтрой да Зиимой. То-то их сейчас Рога переполошит! Хотя... Зачем заставлять даму печь растоплять? Он-то, Хозяин, на что? Тихонько всё сделает, умеючи. Дровишки – вон они. А дальше дело техники, как говорится.

Когда у Роги был готов противень пирожков, Домушка с

гордостью помог ей подойти к печке, которая радостно приняла давно забытое кушание. Не жаловала Йогиня пироги – она всё больше по мышам в сметане. Ну ничего, может, тоже печь начнёт. Как отведаёт...

Так и получилось, что разбудил всех запах. Глаза продрали – а уж завтрак на столе! С пылу с жару пирожки с мясом, с капустой, с яблоками... Ух и загорелись у сестёр глаза! Какие такие раздоры? Прежде всего – пироги! А уж Домушка и чай спроворил. С мятой. Кушайте, мол, гости дорогие да хозяйюшка добрая, пирожки горячие, ароматные, вкусные. И про чаёк не забывайте!

В комнате, которую так славно прогрела печка, воцарился мир и покой. Даже Баюн бы позавидовал. Сёстры, насытившись, натешив свои утробы, посматривали друг на друга благодушно: и чего, мол, мы ссорились? Родные же, время распри за порогом оставить! А теплее всего становились глаза Ендзы и Пехтры, Зимы и Ежи, когда смотрели они на Рогу. Вот ведь молодец! И Йогиня заулыбалась: расслабилась наконец-то, потеплела, ровно как воздух в квартире номер 13. Что ей, жалко, что ли? Надо дочке сестриной помочь. Племянница как-никак... Йогиня не смогла вспомнить её имени. Кажется, никто его ни разу не назвал. И сама она не представилась... Да разве это важно? С именами всё непросто, ей ли, бывшей Яге-младшей, не знать?

Отведал пирожка, конечно, и Домушка. А Рога уж новый противень принесла. То-то радость! Настоящий праздник! И

что это Анчутка отказался? Не любит, мол. Это вредность в нём играет. Где это видано, чтобы пироги не есть? Может, потом захочет? Домушка решил отложить пирожок-другой для подванного властелина.

И Анчутке тот дар пригодился. Так и эдак принимался он к тем пирожкам, но пробовать не стал. Отчего-то всё больше и больше не нравилось ему то, что творилось в квартире номер 13. А в особенности – то, что рогатая ведьмочка, которая молодая, тоже пирожки есть не стала. И никто вроде как этого не заметил. Странно, очень странно...

Путь, который Рога протоптала к сердцам своих сестёр, Домушки и даже Пса с Котом, был не новым. Но аромат над ним витал особый, ни на что не похожий. Кроме разве что дурман-травы. Не той, которую врачи нынче почём зря прописывают, а той, что в заповедных местах растёт. Ох, не просто была Рога. Но и Анчутка не промах. Ещё посмотреть надо, кто кого!

Тишина

Тишина. Она так порой необходима. Оказаться один на один с собой – бесценно. Можно расставить всё в голове по полочкам. А сердце как раз успокоится, чтобы дать разуму навести порядок и вымести всё лишнее. Жаль, нельзя удалить мусор раз и навсегда. То есть можно, конечно, но уж больно это рискованное предприятие. Черепно-мозговые травмы непредсказуемы, в конце концов, а идти к колдунье за зельем – не лучший вариант. Оно ведь наверняка богато побочками, которые не перечислены в инструкции. Хотя бы потому, что её и нет.

Тишина дала Ладе возможность отдохнуть. Тело ныло от столкновения со взбесившейся русалкой, а душа всё никак не могла перенести уход Никиты. Что она, Лада, сделала не так? Он же остался на ночь, а значит, принял её приглашение зайти как знак примирения. Тогда почему же потом бежал? Понял, что разбитую вазу не склеить? Или дело в чём-то ещё?

Тишина давала много возможностей. Например, для самокопания. У Лады и без того не было иллюзий по поводу собственного морального облика, а теперь мысли и вовсе раз за разом возвращались к тому, что теперь ей казалось чуть ли не главной ошибкой всей жизни. Зачем она оттолкнула Никиту? Ну приняла бы его предложение. И под благовидным

предлогом отослала куда-нибудь подальше от битвы. Хотела ведь его спасти? А потом, после битвы, вышла бы замуж. Отказалась бы, как и собиралась, от бессмертия, выполнив свой долг перед Светом и памятью Сварога. Жила бы с Никитой счастливо. До самой смерти. Взяли бы сироту на воспитание, подарили бы шанс хотя бы одному несчастному ребёнку вырасти в любви и заботе. Или даже не одному... Теперь это казалось столь желанным, что Ладе было физически больно от осознания упущенной возможности.

Тишина начинала душить – исподтишка, по-грабительски. Ладе вовсе не нужно было никаких критиков, она сама себе была самым суровым ревизором. Но, почти потонув в волне обвинений, она попыталась выплыть: «Если бы я отослала Никиту, он не принял бы участия в битве, не убил бы Зверя, не помог бы одолеть Ягу!» Это срабатывало. Иногда. Но чаще всего ворох контраргументов сметал жалкие отговорки и оправдания. Никто не знает, как бы всё было, если бы Лада осталась с Никитой. Но, скорее всего, она была бы по-простому, по-бабски, счастлива. Не слонялась бы сейчас по коридору, не в силах найти себе места. Жарила бы, возможно, Никитины любимые котлетки. А ещё – спала бы.

Тишина не давала погрузиться в сон. Давила, заставляла снова и снова открывать глаза и смотреть в потолок. Понукала: «Ну вспомни, вспомни, как ты горела от страсти!» Ввергала в стыд, потому что огненные чувства и пламенные эмоции вызывал в ней Локи. Который оказался обманщиком,

который попросту втёрся к ней в доверие и который... спас её от смерти. Зачем это всё нужно было ему? Просто хотел заполучить в жёны богиню-блондинку? Или всего лишь тешил своё самолюбие? Как бы то ни было, он больше не появлялся. Забыл? Отверг из-за её признания Никите в любви? Ответа не было.

Тишина отступила лишь на время встречи с Василисой. Успокаивая её, Лада мечтала о том, что и её кто-то утешит. Кот, старательно бодающий время от времени хозяйкину ноги в поисках ласки, не в счёт. Пойти к Пёрышку? Но ведь у него живёт теперь Снежка. У них самое-самое начало отношений, не надо мешать. Да и понять ли влюблённым её страдания? Сама разнесла свою жизнь? Сама. Так с чего же жаловаться?

Тишина сводила с ума, запуская щупальца повсюду. Кажется, что сложного в том, чтобы выйти и заговорить с кем-то совершенно посторонним? О всяких пустяках, чтобы просто перестать пережёвывать безвкусную уже жвачку самобичевания. Разговаривала же она с Василисой, и не так давно... Или можно было бы выйти на работу и погрузиться в проблемы разных людей, отвлекаясь от своих и убеждаясь, что может быть и хуже. Но Лада чувствовала себя настолько ужасно, что от одной мысли о том, чтобы покинуть квартиру, ей становилось не по себе. Продукты в квартире были, но есть совершенно не хотелось: аппетит пропал вместе со сном. Хорошо, что был кошачий корм и что нерадивая хо-

зьяйка хоть изредка об этом вспоминала.

Тишина крепла, становясь непробиваемой. Детские голоса, смех, музыка – звуки, доносившиеся сверху и из-за стенки, – только подчёркивали безмолвие, в котором, словно в океане, тонула Лада. Слабые попытки выбраться, выплыть на поверхность она предпринимала всё реже. Ей начинало казаться, что её никто и никогда не любил. Сварог взял в жёны по необходимости (ну надо же с кем-то жить!), Никита просто пожалел, Локи поиграл и бросил... А любила ли кого-нибудь сама Лада? Она не была в этом уверена. Способно ли такое неможное, обескрыленное существо на любовь?

Тишина нервировала. Но не Ладу. Прохор, которого хозяйка по старинке называла бы Прошей, если бы начала снова говорить, пытался пробить в тишине, окутавшей её, брешь. Даже, отчаявшись достучаться до Лады через ласку, запустил когти ей в ногу. Дёрнулась, но как-то механически – умом-то и внимания не обратила. Да что ж это такое-то?!

Тишина могла бы просесть, сдаться перед типично кошачьими звуками – мяуканьем, мурлыканьем, утробным воем, шипением... Но Лада уже не реагировала. Тогда Прохор решил снова обратиться к своей покровительнице. Предыдущий его доклад был об уходе Никиты, и Йогиня отнеслась к этой информации довольно равнодушно. Теперь же Лада натурально слетала с катушек, и это явно было поводом для вмешательства сильной и равнодушной ведьмы. Но...

Тишина ожидала Прохора и в миске. Никто не отвечал

на его настойчивые запросы. Может, дело было в том, что в миске не было воды: Лада о корме изредка, но вспоминала, а про то, что коту нужно ещё и пить, забыла напрочь. Прохор приноровился пить из крана, научившись обращаться со смесителем. Налить воды в миску ему было не под силу. Вроде бы. Но можно попытаться.

Тишина настороженно следила за котом, который толкал миску по полу кухни к раковине. Смотрела и усмехалась: не поднимет! Но Прохор и не собирался: прицельно сбросив на слив несколько заваливавшихся вокруг мойки тарелок с плантациями плесени, он лапой открыл холодную воду на полную. Раковина заполнилась быстро, и мутноватая холодная жидкость начала стекать вниз. Часть её попадала и в подставленную миску. Да, для питья не подходило. Но Прохору ведь и не для этого вода нужна была. Как только донышко заполнилось, связь с квартирой Йогини была восстановлена. Можно было закрывать кран.

Тишина недовольно поморщилась в ответ на возникновение кошачьего диалога. А Прохор смог наконец-то выдохнуть: помощь скоро будет. По словам его отца, который и ответил на хммм... звонок, Йогиня занята семейными разборками, но ради такого дела бросит всё и примчится. И Прохор принялся ждать, отойдя подальше от расползавшейся по полу кухни лужи.

Тишина наконец-то раскололась: звонили в дверь. И этот звук пробился через толщу океана молчания, в который была

погружена Лада. Она неверными шагами отправилась в прихожую – и уже через несколько секунд имела счастье разговаривать с соседкой. Кот насторожился, потому что это была не его благодетельница, но это только полбеды! В руках у женщины была кошка. Рыжая, как апельсин, кошка. По словам соседки, хвостатая так сильно мяукала у двери, что она решила: домашняя, никак не может попасть внутрь. А хозяйка, наверное, не слышала. Лада молча кивнула... и взяла из рук женщины кошку. Заперла дверь и пошла с новоиспечённой питомицей на кухню. Где её ждал, понятно, сюрприз. Прохор на всякий случай держался на безопасном расстоянии. Но его так и не заподозрили. Лада сразу бросилась ликвидировать потоп, а кошка побежала к миске и стала есть... Хотя нет! Она просто сделала вид, что ест, и Прохор был готов в этом поклясться. Что происходит?!

Тишина тоже недоумевала. Лада выныривала из неё – постепенно, но без особых сложностей. И всё из-за кошки. Очень необычной, если разобраться. Много ли вы видели кошек с мелкими серебристыми шрамами вокруг пасти? Тот же...

Тени

Холод заползал тысячами иголок под кожу, и не было от него спасения. Сейчас бы хороший пуховик. Или дублёнку. Да хоть кожаную куртку, какую отец носил в девяностые! Но ничего этого не было. На Никите висели какие-то обноски, на которые и бомж бы не позарился. Рубаха без пуговиц, перевязанная верёвкой, и портки с прорехами. Не джинсы, не брюки – именно портки. Откуда-то Никита знал, что это так называется. А вот как он здесь, в глухой и вонючей подворотне, оказался, – нет.

Фонари не горели. Да и были ли они? Город вокруг замер, как будто боясь упустить случайную жертву. Вот только случайную ли? Несмотря на холод, Никита внезапно вспотел. Кто заманил его сюда? Казалось, что дома – двухэтажные, со слепыми, вроде как безразличными окнами – следят за ним, прислушиваются, норовят... сожрать? Но ведь так не бывает! Это же не ужастик какой-то! И он, Никита, не побежит сломя голову куда-то в неизвестность. Не дурак же он, в самом деле.

Да и побежать-то вряд ли получится. Босиком особо не поскачешь. Хорошо, что хоть снега нет... А почему, кстати, нет? Ещё вчера была зима. И тут Никита даже улыбнулся: это же сон! Вот и всё. Кошмар всего лишь. Сейчас он нагуляется тут, набоится, а потом ущипнёт себя – и проснётся. Только

надо будет сразу сон записать, а то забудет.

Ну-с, теперь-то Никита развернётся! Где тут монстры? Где злодеи? Как говорится, раззудись, плечо, размахнись, рука... Но никто не приходил, не показывался, даже не шуршал. И это отчего-то заставляло сердце неприятно сжиматься. Станный какой-то кошмар. Атипичный. Никита захотел закричать – и не смог. Горло сдавило. А ещё с каждой минутой холод сковывал всё сильнее, словно хотел сказать: «Ты мой. Расслабься и получай удовольствие». Никита с трудом преодолел желание лечь на мостовую и заснуть. Это как же он устал, если ему захотелось впасть в сон посреди сна?

Начало светать. Солнца видно не было, просто чернота вокруг превратилась в серую хмарь. Вдалеке проступили очертания церкви, и Никиту потянуло туда. Может, он в этом сне юродивый? Они же вроде защищают Русь от нечисти? Ответственные за духовность, так сказать. Так почему бы и не побыть юродивым? А бесы всякие, наверно, возле церкви: не могут туда зайти и людей с пути сбивают, чтобы тоже не ходили. Во всяком случае, Никита себе это как-то так представлял.

Двигаться было тяжело, каждый шаг – через усилие. По идее, идущий должен разогреться, но Никита только сильнее замерзал. А ещё наконец-то появились те чудовища, которых он искал. Пока в виде теней, но таких плотных, упругих и живых, что Никита поневоле содрогнулся. Больше от омерзения, но всё же... Вон ту тварь бы да на меч! Там, где

должны быть глаза, у неё зияющая, притягивающая взгляд пустота. Только вот беда: юродивым мечи не положены. Получается, надо молитвой тени отгонять? Тоже беда: Никита ни одной не знал. Не слишком путный из него вышел юродивый.

Тени обступали. А церковь, кажется, отодвинулась. Но Никита упорно шёл вперёд – к фигуре, которая вдруг появилась между домами. Это точно была женщина, но спасительница она или губительница, Никита не понимал. Он решил, что надо до неё добраться во что бы то ни стало, а тени, кажется, как раз этого-то и не хотели. Бросились в ноги со всех сторон, образовав единый клубок – ледяной, сжимающийся, попытались уронить, подмять под себя, но Никита всё держался – до тех самых пор, пока не почувствовал, что не вывозит. Это отец так говорил в сложные моменты: «Не вывожу». Маленький Никита всегда представлял себе, как папа сваливает все проблемы в одну тележку и тянет, тянет её... А потом всё-таки не вывез отец: бросил и жену, и взрослого почти сына. Всю тележку бросил и пошёл налегке в новую семью. Что ж, Никита искренне надеялся, что там всё вывозится. Что там отцу легче.

А самому парню, настоящему богатырю с пресловутой косой саженью в плечах, становилось невмочь. Клубок теней подбирался со спины, норовил утянуть вниз, на расправу. И Никита решил, что, пока свободны руки, самое время себя ущипнуть. Чтобы проснуться, само собой. Он ведь так и хо-

тел. Жаль, правда, что он не узнает, кто там впереди, что за женщина. Ну и ладно! Зато кошмар закончится. Щип!

Никиту прошиб пот. Говорят, так бывает у диабетиков при падении уровня сахара. А у парня, который никакими болячками серьёзнее простуды сроду не страдал, произошло нечто иное, но не менее фатальное: он не проснулся. Щипал бедро снова и снова, пока не стало нестерпимо больно. Сон не хотел заканчиваться, а тени уже подбирались к горлу. Никита снова попытался закричать. Может, та, что впереди, услышит и придёт на помощь? Но выдавить из себя удалось только стон.

Держаться на ногах становилось всё труднее. Вот-вот уронят, накинутся, перекроют кислород... Руки сковали, прижав к телу так, что те уже не чувствовались. И тут Никита вспомнил, что он вообще-то не один. Где он ни оказался, с ним всегда была Анна. Её истории про Гражданскую войну он слушал как бесконечный подкаст. Она храбрая, Анна. Она должна помочь!

Никита собрал последние силы и не сказал, а громко подумал: «Анна!» Он вложил в этот безмолвный крик всю свою жажду жизни, всю надежду, всю веру в Свет. Но ничего не случилось. Кроме того, что тени, воспользовавшись его мгновенной слабостью – надежда часто делает человека слабее, – всё-таки добились своего. Никита рухнул с высоты своего почти двухметрового роста, и ощутил, как и лицо его скрывается под плотной, холодной массой, обладавшей

тяжестью камня и в то же время дышащей, словно живая. Вдыхала она холодный воздух странного города, а выдыхала смрад, почти нестерпимый. Впрочем, волновала Никиту не столько вонь, сколько то, что ему вот-вот перестанет хватать кислорода. Хотя глагол «волновать» тут не подходил. Никиту захватил животный страх скорой гибели.

На краешке рассудка, когда его сознание почти уже захватила звериная, дикая, сопротивляющаяся смерти часть, он услышал шаги. Кто-то бежал – лёгкий, стремительный. И опасный, судя по тому, как тени начали расступаться.

– Никита, держись! Дыши! Дыши!

Тонкая, но сильная женская рука принялась освобождать его лицо от холодной пульсирующей субстанции. Воздух, какое счастье! Пусть ледяной, пусть обжигающий, зато можно дышать! И, едва Никита получил возможность смотреть, он убедился в том, что перед ним Анна. Именно такой она представляла перед ним в видениях, которые сама и вызывала. Только голос немного другой. Никита ведь привык слышать её внутри собственного сознания, а теперь она была снаружи... Но додумать эту мысль он не успел.

– Скорей! Выбираемся! – крикнула Анна и дёрнула Никиту за руку.

В следующее мгновение парень очутился на продавленной койке. В привычной одежде, под одеялом. Весь вспотевший, запыхавшийся, он едва перевёл дух. Что это было? Сон? Тогда почему такой реальный? А если всё было на са-

мом деле, как Анна смогла помочь ему? Кстати, где она?

«Я здесь, Никитушка. Ты не переживай. Я тоже не знаю, что это было, но я постараюсь узнать. Место, в котором мы были, мне вроде как знакомо. А вот как мы там оказались... Ты только не спи пока. Может, прогуляемся?»

Никита послушно вышел на холод, предварительно как следует утеплившись. С тех пор как в его сознании поселилась Анна, он привык думать о себе во множественном числе – «мы». Но даже вместе они оказались весьма уязвимы.

А вот Аполлинарий Никандрович, хозяин квартиры, которую Никита снял несколько дней назад, был иного мнения. Он-то рассчитывал на другой исход. Заполучить эдакого здоровяка себе в послушные слуги было бы неплохо. Аполлинарий Никандрович знал толк в таких делах. Это домовым он ничего подобного не умел, а как выбрался на вольные хлеба, как окунулся в суетный и опасный мир расколотого Гражданской войной города, так и научился.

Спасибо одной ведьме – подсказала. А он способным учеником оказался: создал умозрительную копию улочки, на которой проживал в человеческом облики, заманил туда свою наставницу – да и натравил на неё тени. Отбросил потом за ненадобностью. Они, рабы-то, быстро слабеют. Другого нашёл – вот такого же, как новый жилец, громилу. Только тот сразу поддался, как надышался гари от печки-буржуйки, особыми дровами растопленной, а этот спасся. И что это за баба с ним была?

Ну ничего, Аполлинарий Никандрович разберётся. И не такие загадки разгадывал. К своему вящему удовольствию, естественно. Здоровяк не уйдёт. Сразу почуял бывший домовой, что дело тут нечистое. Но явно интересное.

Тайна

Маленькие девочки – воплощение милоты. Особенно если у них широко распахнутые голубые глаза и белокурые локоны. Таких ещё принято называть ангелочками. Разве такие милашечки капризничают? Ни в коем случае! Им и так преподносят всё, чего они только пожелают. Ну как тут откажешь?

Вот и сейчас небесного цвета глазёнки смотрели на любимую мамочку тепло и игриво. Малютка явно была уверена в том, что её просьба будет удовлетворена. Ещё бы! Она только что принесла чудеснейший рисунок, изображавший маму куда более красивой, чем та была на самом деле. Ну когда, на самом деле, она красила в последний раз губы? А высокую причёску и вовсе никогда не творила... не сотворяла, то есть. На рисунке же всё при всём – и волосы, и огромные глаза редкого фиалкового оттенка (голубой карандаш куда-то подевался), и всамделишное платье королевы, какого у мамы сроду не было. И даже туфельки не забыты – на высоченных каблуках. А то всё кроссовки да кроссовки!

Девочка пошла и ещё дальше: «перекрасила» маму в блондинку. Это же всякому понятно, что так лучше! Ходит как эта... ворона... нет, галка, у той тоже глаза светлые. В общем, мама с тёмными волосами похожа на некрасивую птицу. А надо – чтобы как единорожка! Девочка подумала, что

надо было радужные волосы маме нарисовать. Эх, поздно уже! Но золотой блонд – тоже вполне неплохо.

В общем, мама должна была растаять и без лишних вопросов обеспечить доченьку всем, что та пожелает. И вот тут-то малышка и скажет, скромно потупив глазки: «Мне даже ничего и не надо! Только если немного погулять». Это отличная фраза, тем более что она без ненавистного звука Р, который никак не хочет правильно получаться.

Но мама оказалась совсем неблагодарной: на рисунок посмотрела и сказала, что принцесса получилась хорошей. Повесила листок на холодильник. Всё-таки слишком красивой дочка её нарисовала – неузнаваемая получилась мама. Надо срочно что-то делать!

– Мамочка, да это же ты!

– Ну... Спасибо, Настюш! Думаешь, мне стоит волосы осветлить?

– Только если ты сама хочешь, – дипломатично сказала девочка. А глазки скосила на рисунок: смотри, мол, сама.

– Я подумаю, – ответила мама.

Разговор шёл не по плану. Восторгов с предложением что-нибудь купить юной художнице не последовало. И приходилось менять стратегию на ходу.

– Мам, а я комнату уб... навела там по... Чисто там, в общем!

– Молодец, – ответила мама, якобы не заметив тщательного подбора слов.

– И вот я подумала... Мо... то есть холода же на улице сильного нет? Может, мы гулять всё-таки сходим?

Мама шумно вздохнула и обхватила голову руками.

– Мы так давно дома сидим! Петя тоже гулять хочет! А цветок для тебя из пластилина не лепит... Но если надо, я сама слеплю!

По маминым щекам заструились слёзы. Дочка знала, что в таких случаях делать: подошла, заставила сесть на стул, забралась на колени и обняла.

– Мам, ну ты чего? Он ленивый, Петька. Ты не плачь, я лучше леплю, цветок точно к... ликалепный будет!

Слёзы закапали ещё быстрее. Нет, так не пойдёт!

– Ну мы тебя любим, мам! И гулять любим. Давай выйдем, а?

Мама оттерла с лица слёзы и, несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, сказала строгим голосом:

– Нет, не выйдем. Это опасно, Настя.

– Там что, монс... чудовища?

Девочка ощутила, как мама вздрогнула, и выдержала испытующий взгляд серьёзных голубых глаз. Если делать вид, что она ничего не помнит, мама будет спокойна. Только бы они наконец-то вышли...

– Нет, дорогая, там нет никаких монстров. И чудовищ – тоже, – сказала медленно, ласково, словно уговаривала, а потом припечатала: – Это мы... ты... В смысле, у нас есть тайна, которую мы не сможем сохранить, если сейчас выйдем.

Пожалуйста, потерпи!

Настя почувствовала, что её кожу изнутри как будто покалывает. Становилось жарко-жарко, но не снаружи, в комнате, а внутри, в голове. Ну вот...

– Я не могу сидеть больше дома! Я не монстрррр!

Досада из-за того, что у неё вырвался-таки неправильный, «французский», звук, стала последней каплей. Девочка спрыгнула с коленей матери – и тут же вспыхнула. В прошлый раз было гораздо медленнее. А тут сразу и перья, и огонь, и клюв, из которого доносились уже не слова, а клёкот!

– Настенька, доченька! Всё хорошо, – уговаривала побледневшая мама огненно-золотое чудо, стоявшее посреди кухни и весьма устрашающе хлопавшее крыльями.

– Мама, мама, то сутивось? – раздался у двери испуганный голос.

А дальше Петя бесстрашно вошёл и принялся разговаривать с сестрой, глядя только на неё и держась на самом близком, но безопасном расстоянии.

– Натя, хатит! Не бося! Мы тебя любим!

Мама не успела перехватить его, и Петя бросился прямо к Насте... Мир вокруг замер. Но вот брат с сестрой обнялись – и остались целы. Оба снова выглядели как обычные дети. Милые, голубоглазые. Ну как таким откажешь?

– Идите собирайтесь, – всё ещё дрожащим голосом сказала мама, лицо которой постепенно переставало быть мерт-

вещки бледным.

И они действительно вышли на улицу, благо за окном уже было темно. Семья выбралась из квартиры впервые за две недели, прошедшие с момента пробуждения в Насте Жарптицы. Мама Лина поняла, что не сможет больше сдерживать дочь.

Но было в сегодняшнем происшествии и нечто хорошее: оказалось, что сестру в силах успокоить Петя. Да, это не было настоящим решением проблемы, но, безусловно, было выходом. И оставалось надеяться, что жизнь не преподнесёт новых сюрпризов и даст хоть немного отдохнуть их семье.

Ноша

Годы ложатся на плечи тяжким грузом. Сначала ты молод и не замечаешь этого: подумаешь, плюс-минус килограммчик! Потом, когда со спиной начинаются проблемы, годы тебя заземляют, и это даже плюс, потому что нельзя же вечно парить над землей – надо её и потоптать. Ощущая при этом не только твёрдую почву под ногами, но и себя как существо из плоти, способное воздействовать на окружающий мир. Так человек со временем становится мудрее.

Или не становится. Такое тоже случается. Сохранить в себе немного ребячества никому не возбраняется, но и оставаться вечным малышом-несмышлёнышем – не самый лучший вариант. Кто-то зависает в подростковом бунте и стремится «весь мир разрушить до основания, а затем...», старательно не замечая тяжести на плечах и земли под ногами. И так тоже можно жить, почему бы и нет? Вполне реально ведь и не заметить, как громкие лозунги переходят в старческое брюзжание, и в этом тоже по-своему можно отыскать себе счастье.

А кто-то остаётся молодым навсегда – и наслаждается жизнью. Здесь и сейчас, не стремясь ничего разрушать, потому что ведь и так всё превосходно. Не замечать годы и испивать чашу наслаждений каждый день, безусловно, приятно. Была бы такая возможность!

И у того, кто представлялся Яриком, всё, разумеется, получалось. Его жизнь была сплошным праздником. Разрушить мир? Видели, знаем: хорошего мало. Лучше кутить со студентами, затесавшись в их мирок и передвигаясь по нему дальше, как только хоть чуть-чуть наскучит. Ярик не трудился ни дня, а потому с улыбкой смотрел на «старших товарищей», подыскивавших себе работу, приспособившихся к современной действительности. Кто-то даже себе квартиру купил, накопив денег. Но это было не для него. Он умел договариваться, влезать куда угодно без мыла и чуть ли не питаться воздухом. Жить где-нибудь с кем-нибудь, иногда появляясь, но чаще исчезая в поисках новых приключений. Иногда денег подбрасывал отец, и Ярик не отказывался, потому что считал родителя ответственным за всё то, чего довелось хлебнуть в детстве.

Теперь, когда на горизонте замаячило нехилое наследство, он несколько приободрился. Нет, конечно, он никогда не стал бы по собственной воле сидеть в директорском кресле. Ярик был к этому не приспособлен и, скорее всего, довольно быстро привёл бы к краху то, что создавалось годами и десятилетиями. Но ему везло, как всегда и всюду, и работу – грязную и не очень – целиком взял в руки грамотный делец. Пусть берёт себе проценты и просто снабжает наследника. А потом, когда управляющему наскучит, можно будет найти нового. Из людей. Их же так легко обаять!

Но пока всё было отлично. Ярик мог даже побаловать по-

дарками свою девушку. Ощущение не из привычных. Он ведь всегда преподносил только себя самого и считал это сказочным даром. Представительниц женского пола Ярик устраивал более чем. Всех. В сложные времена приходилось бывать даже альфонсом. Была бы у него совесть, он успокаивал бы её тем, что дарит счастье женщинам за тридцать, сорок или даже пятьдесят. Кто ещё порадует этот контингент? А Ярик совершенно искренне мог такими дамами восхищаться, ведь он сам пробуждал в них вторую (а когда и третью) молодость. Это было дороже денег, разве нет? А потом они отпускали его, мучась той самой совестью: надо же ему, в конце концов, обзаводиться детьми!

Ярик посмеивался и переходил в следующие объятия. Временами отдыхал, меняя симпатии каждую ночь. Если девушка нравилась ему, он подыскивал ей подходящего мужа – из «скучных», но крепко стоящих на ногах. Такое нечасто случалось: много было на свете пустышек, которые, по мнению Ярика, не заслужили тихого семейного счастья. А всё потому, что они были не способны любить. Это он чётко различал.

Но сейчас творилось нечто невообразимое. Ярик втянулся в отношения, которые не приносили ему денег (да ему и не нужно было, теперь он сам мог кого угодно спонсировать), зато дарили кое-что несравненно более важное. Познакомившись с Василисой, он быстро навязался ей в друзья – для того только, чтобы подобраться поближе к Ладе и, нако-

нец, оправдаться за ошибки недавнего прошлого. Для него было важно быть среди своих, пусть и порой отдаляясь от них. Люди – одно, а боги – совсем другое. И вот человеческую особь-то Ярила и приспособил для своих целей: пусть замолвит за него словечко перед Ладой. Если понадобится – и не один раз. Капля-то ведь камень точит...

А потом с первоначальным планом что-то случилось. Василиса была особенной, и это не пустые слова: многое повидал на своём веку Ярила – и многих. Но почему-то именно её взглядом не мог никак насытиться бесшабашный бог, именно её запахом не мог надышаться, именно о ней не мог не думать. И так получилось, что о Ладе и речь не заходила. Единжды оставшись на кофе в снятой им для Василисы квартире, весёлый, непостоянный, озорной Ярик перестал себя узнавать.

Нет, это случилось даже не тогда, не так вот сразу. Не было такого, что вот проснулся – и не узнал себя в зеркале. Всё – постепенно. Исподволь. Ведь большая дорога рождается, как известно, из нескольких шагов. Началось всё ещё с дружбы, в которую Ярила и не верил никогда. Он вдруг начал видеть Василису во сне. С завидной регулярностью, что дело, конечно, небывалое. Например, в ту ночь, когда в его сновидение вломился Локи, Яриле привиделось, что она не просто девушка, а его девушка. Странно, конечно. Но ещё чуднее было то, что той ночью, которую он решил провести у Василисы, ничего не было. Они просто заснули в объяти-

ях друг друга. Это тоже было ново и крайне необычно для Ярилы.

Не было ничего сложного в том, чтобы, говоря языком Библии, «познать» эту девушку. Но ему и в голову не пришло торопить события. Она была так трогательна, так непередаваемо мило краснела, пока они пили кофе, а потом смотрели какую-то сентиментальную чушь в онлайн-кинотеатре, что Ярила просто не хотел торопить события. Здесь могла бы быть чепуха про бутон и розу, которой надо дать расцвести... Однако дело-то не в цветах: Василиса была ему интересна. Он её – удивительное дело! – уважал.

Болтать можно о разном, и в основном парень с девушкой разговаривают о чём-то пустом, незначащем просто потому, что им важно быть рядом и делать вид, что они слушают друг друга. Так всегда делал и Ярила. Но Василиса ещё в «дружеские времена» зацепила его любовью к Древней Руси, её легендам и преданиям. Смущаясь, она призналась, что написала сценарий к игре про славянских богов – и Ярик вызвался протестировать «ужас», который, по словам девушки, получился. Он сразу понял, как именно Василиса связана с Ладой: получается, эта смертная, такая простая, такая обычная, помогла Свету. Да, Зверь обманул всех, переделав без ведома сценаристки финал, но Ярила осознавал, что напоминание о Перуне, Ладе и о нём самом сработало в плюс. Многие ли доходили до финала, где побеждал, по сути, Велес? А пробовали играть тысячи, для которых старые име-

на из учебников по истории ожили. Так что Василиса, создавшая цепляющую историю, прописавшая неоднозначных персонажей, без всяких оговорок заслуживала похвалы.

Яриле было любопытно, каким в «Велесовой игре» (ну куда от отцовского имени не денешься!) выведен он сам. Какие у него, скажем, суперсилы? Что ж, ничего особо нового: он толкал людей на безумства, связанные с любовью и, скажем так, плодородием. Но только от игрока зависело, будет ли эта сила использоваться во зло или во благо. Совершишь добрый поступок – и Ярила поможет остановить врагов, зазвав их в хоровод, из которого нелегко выбраться. А пройдёшь мимо шанса проявить милосердие – и утянет весёлый бог уже тебя. Поняв это, Ярила поставил игру на паузу и задумался о том, каков же он на самом деле. Права ли Василиса? И каким она сделала бы его персонаж, если бы действительно знала, кто скрывается под личиной вечного студента Ярика?

А Василиса меж тем не останавливалась. Уже достопамятным утром, после ночи, которой суждено было отметить лишь безграничным доверием, а не беспробудной страстью, девушка засела за ноутбук. Ярик, какое-то время зависавший в смартфоне, вдруг соскучился по ней. Интересно, чем она занята? Его даже кольнула ревность, и это заставило Ярилу ухмыльнуться: приплыли! И всё же, что это она там пишет? Кому?

– Я про славянских богов решила роман начать писать.

Это меня Лада, психолог мой, надоумила. Хорошо бы, конечно, про старину: создать бы что-то похожее на древнегреческие мифы... Но такое уже есть, и столько копий на этот счёт ломается! Мол, этого вот не было, и вот этого, а вон то вообще ересь... Можно подумать, там кто-то свечку держал!

– Да уж...

– Вот я и решила написать о том, что делали бы боги в современном мире. Вот кем бы мог быть Велес? Наверное, богачом бы заделался. Мне кажется, ему по характеру подходит. Крепкий такой хозяйственник... Как ты думаешь?

– В точку! – усмехнулся Ярила. Лада точно ничего Василисе не рассказывала? Впрочем, тут и угадать не сложно. Он решил позабавиться и уточнить: – А Перун? Он что делал бы?

– Мне кажется, он был бы высокопоставленным военачальником. Он же был покровителем княжеской дружины, так?

Ярила кивнул. Нет, Василиса ничего не знала. Где там метеорологу, пусть и почти что самому главному в регионе, до высоких армейских чинов? Любопытно, что она скажет о нём...

– А Ярила как же? Он в игре у тебя какой-то неоднозначный.

Василиса задумалась. Видно было, что так, сходу, сказать она не могла. И это вселяло в Ярилу уверенность, что персонаж получится многогранным.

– Ты знаешь, сначала я хотела сделать его плейбоем. Покорителем девичьих сердец. А потом подумала, что он мог бы, наоборот, делать что-то хорошее. Например, сводить вместе людей, которые без него бы не встретились.

– Этакий Купидон на максималках?

– Думаешь, не стоит? – сразу расстроилась Василиса.

– Я думаю, что ты чудесно придумала. Только я бы и плейбоя оставил. Так, наверное, будет круче, – поспешил сказать Ярила.

Девушка задумалась, а потом благодарно улыбнулась и принялась печатать – быстро, неистово, словно музу поймала за край юбки (или в чём они там ходили?). Ярила же смотрел на Василису с любопытством: что-то у неё получится? Эта идея со сводничеством ведь действительно имела под собой почву: кто, как не легкомысленный вроде бы бог, свёл вместе берегиню и студента филфака Ивана?

Дни шли за днями. Получив от Локи деньги, и немалые, втрескавшийся в филологиню Ярила принялся баловать её подарками. Цветы? Живые орхидеи, конечно. Украшения? Изящная подвеска на золотой цепочке – перо. Она же пишет, так? Шикарные тома классиков русской литературы? Разумеется! Василиса смущалась, но подарки принимала, потому что Ярик уверял её: купил по случаю, на распродаже, а цветы вообще спас с полки в супермаркете. Врать ему было не привыкать. Правда? Это к другим божествам! Вот любовь, оправдывающая, кстати, все средства, – это к нему.

Ярик по-прежнему не торопил Василису. Иногда ночевал у неё, и они снова и снова засыпали в обнимку. Чего он не видел, не пробовал в банальном соитии? А вот любоваться профилем спящей невинной девушки, слушать её дыхание и надеяться, что во сне она видит его – это было что-то новенькое. И потом, в ожидании была своя прелесть...

Но однажды всё посыпалось. Однажды на пороге квартиры, в которой так часто бывал подолгу Ярила, появилась Лада собственной персоной. Оказалось, что Василиса сама написала ей – похвастаться тем, что у неё появился парень, живо интересующийся славянской мифологией. Имя, понятно, показалось Ладе знакомым, и она напросилась в гости. В основном, видимо, чтобы поговорить с «милым Яриком».

– У тебя есть пять минут, чтобы убраться отсюда. А потом пеняй на себя, – прошипела Лада, как только осталась наедине с давним знакомым.

– Я ничего плохого ей не сделаю, обещаю!

– Ну да, знаю я твои обещания! Убирайся, иначе я расскажу Василисе о том, каков ты на самом деле.

– Да ну?! Тогда тебе придётся рассказать и о себе – всю правду. Ты-то к этому готова?

– Давай-ка поспорим, что мне не придётся этого делать? Достаточно будет сказать, что ты чуть не угробил детей, за которыми присматривал, и даже не извинился за это перед их матерью. И, заметь, я не погрешу против истины.

Ярила с удивлением смотрел на Ладу. Как донести до неё,

что он не собирается делать больно и вообще как-либо вредить Василисе? Богиня как будто взбесилась...

– Лада, ты не понимаешь, я...

– Это ты не понимаешь! Пошёл вон!

Когда Василиса, отлучившаяся, чтобы ответить на срочное письмо заказчика, вернулась на кухню, Ярика там уже не было. А Лада сказала, что ему пришлось уйти: «Что-то там по учёбе».

Ярила скрипел зубами, бродя по заснеженному городу. Как можно верить в то, что разумные существа, будь то люди или боги, не меняются? Где милосердие и надежда на лучшее у Лады? Она их что, потеряла? Тогда уж она-то точно изменилась! А сам Ярила чувствовал, как на его плечи ложится нелёгкая ноша. Кажется, он терял бесшабашную молодость, которая обещала быть вечной. Что придёт ей на смену?

День кошачьих (и не только) забот

Иногда надо просто выйти из дома для того, чтобы твоя жизнь изменилась. Несколько десятков или сотен шагов – и вуаля! Не исключено, что поменяется лишь угол обзора, но и это уже немало.

«Кошачья бабушка» увлекалась психологией, поскольку та помогала пристраивать четвероногих, и потому понимала, что в её случае выход из дома, а вернее, квартиры номер 13, равняется выходу и из зоны комфорта. Да, нашествие сестёр и племянницы сделало её по-своему чудесное и уютное жильё куда менее приятным, но человек ко всему привыкает. И не человек – тоже. И потом, постоянно стряпающая то пироги, то жаркое, то какие-то диковинные каши Рога создавала в жильё сестрицы какую-то неведомую доселе атмосферу любви и взаимопонимания.

Это устраивало всех, кроме – почему-то – Анчутки. Вечером того дня, когда Рога угощала всех пирожками, повелитель подванного пространства в обстановке строжайшей секретности вызвал хозяйку квартиры на разговор и, убедившись в отсутствии у стен ушей, сообщил, что еда была приправлена дурман-травой. И посмотрел так выразительно, так серьёзно, что Йогиня изо всех сил постаралась не засмеяться. «Надо ему ограничить просмотр телевизора, что ли», – решила она.

Говорить бдительному Анчутке о том, что её добрейшая сестрица никогда не стала бы травить никого из семьи, не стала, но для самой Йогини этот вопрос решался однозначно. Никаких сомнений – косматому бузотёру дурман-трава причудилась. И откуда вообще ему знать, как она пахнет? Веники – это, безусловно, к нему, а вот травы заветные, в определённый день и час, с особыми приговорами собираемые-добываемые, – это к ведьмам. Но ссориться с Анчуткой, который помог Свету победить Тьму, не хотелось, и Йогиня поблагодарила его за бдительность и обещала за Рогой приглядеть. Мимо меня, мол, мышка не проскочит – сразу угодит в сметану, а там и в печь.

Разумеется, выполнять обещание хозяйка квартиры номер 13 не собиралась. Помилуйте, какая такая дурман-трава?! Все сёстры чувствовали себя отлично, Домушка – тоже. Даже Кот с Псом округлились, потихоньку приучившись питаться не сухим кормом, а тем же, чем и двуногие. Да и сама Йогиня чувствовала небольшую тяжесть в районе живота, но худеть ей не хотелось. «Хорошего человека должно быть много, а хорошей Яги – тем более», – сказала она себе одним прекрасным утром, ощупывая собственные бока, ставшие более сдобными, что ли. Тут же, понятно, опомнилась: чего это она себя не своим именем назвала? Хотя... Сколько веков она его со старшей сестрой делила. Получается, и её это имя, отчего бы про него и не вспомнить. Привычнее звучит, опять-таки.

И так бы «кошачья бабушка» и сидела дома, толстая и ведя неспешные беседы с сёстрами, если бы не Кот, который, прибежав с кухни и даже слегка запыхавшись, не выдал: «Там с Ладой беда. С ума сходит! Скорей к ней! Срочно!» Первой мыслью Йогини было послать к богине кого-то другого. Вот хотя бы Перуна. Нечего ему прохлаждаться (хе-хе-хе!). Но Кот смотрел неотрывно и давил на совесть. Кто, мол, если не ты?! Так что пришлось вставать и переодеваться в «уличное». И от чая, услужливо предложенного только что испекшей имбирное печенье Рогой, пришлось отказаться. Дело срочное, иначе бы Кот так не подрывался.

Ни его, ни Пса Йогиня с собой брать не стала. Во-первых, холодно на улице, а во-вторых, неизвестно, насколько всё это затянется. Да и лишние уши ни к чему. Вполне возможно, что Лада просто переживает из-за ухода Никиты, и тогда это дело на все сто дамское, нечего всяким четвероногим про то слушать. На всякий случай Йогиня прихватила с собой травок задушевных, способных сердечные раны латать да к разговорам искренним располагающих. Глядишь, пригодятся.

Выходить из жарко натопленной избы... тьфу, то есть квартиры было неохота. Йогиня кляла Кота, его отпрыска, у Лады проживающего, и саму богиню. Не могли до лета подождать или хотя бы до весны? Она, промежду прочим, занятая бабка! У неё работа имеется! И в этот самый момент, выходя из подъезда, Йогиня о свои прямые должностные обязанности и споткнулась. Под дверью жался закоченевший

полосатый котёнок, издавший при виде живого и вроде как человеческого существа хриплый мям.

Йогиня живо подхватила малыша и за шиворот полушубка засунула. Вернуться с ним домой? Нет-нет, у неё было правило – себе никого не брать. Исключений за всю её долгую жизнь было всего два: так у неё появились Кот и Пёс. Так что надо пристраивать. Йогине стало задним числом очень и очень стыдно, как будто кипятком её изнутри обдало. Сколько дней уж она из квартиры носа не кажет, а хвостатики мёрзнут по подвалам да на улице безо всякой помощи! О-хо-хо! Про работу-то, получается, «кошачья бабушка» и забыла.

«Ничего, к Ладе пристрою! Где один кот – там и два, всё веселее ей будет», – решила Йогиня и бодро зашагала к остановке. Можно было, конечно, перенестись сразу к месту назначения, но она не могла точно сказать, сколько у неё осталось после битвы с Тьмой сил. А ну как последышки на телепортацию потратятся?! Нет, рисковать нельзя. Тем более чего тут ехать-то?

Открывшая Йогине дверь Лада выглядела не слишком-то хорошо, но чтобы беда у неё была, того не чувствовалось.

– Прощу прощения, что не приглашаю. У меня тут небольшой потоп на кухне, – сказала богиня сразу после того, как поздоровалась.

– Да не переживай, я тут просто мимо проходила, – как можно небрежнее отозвалась Йогиня. – И вот котёночка по-

добрала, пристроить надо. Может, возмёшь?

– И опять прошу меня извинить. Вот только сегодня ко мне кошечка прибилась, рыженькая, Проше и без того непросто приходится.

– Что, не принял?

– Ревнует, по-моему. А кошка-то красавица! Кис-кис-кис!

Подбежавшая к Ладе рыжая особь вызвала в Йогине бурю сомнений. Первое: что-то тут не так с гендерной идентичностью. Второе: разве бывают кошки с серебристыми шрамами вокруг пасти? Третье: эта «красавица» не отозвалась, когда Йогиня ей коротко мяукнула приветствие.

– Дай-ка я с Прошей поговорю, – сказала Йогиня Ладе. – А ты пока иди потоп ликвидируй.

Серый кот не замедлил явиться. Между ним и его благодетельницей произошёл совсем короткий диалог, во время которого Йогиня убедилась, что дело здесь точно нечисто, и поставила задачу – следить за новенькой и доложить, как только что-то прояснится. И – спасибо ей – напоследок объявила Ладе, что её кот именует себя уже не Прошей, а Прохором. Подрос, возмужал и требует к себе уважения. Богиня растерянно кивнула, и, как показалось Йогине, с облегчением закрыла за незваной гостьей дверь.

– Куда ж ты девать-то? – спросила старушка у котёнка, уютно устроившегося у неё за пазухой.

Тот, понятно, не ответил. На улице уже было темно. Куда податься? Не пойдёшь же по квартирам. Поди, и не откро-

ет никто. Можно, конечно, примерить образ школьницы или хотя бы милейшей Прасковьи Никитичны, но Йогиня отчего-то чувствовала, что сегодня – не получится. Оставалось податься к знакомым. К Перуну нельзя, там Баюн новенького не примет, нечего и надеяться. Лина тоже вряд ли обрадуется: только-только битва отгремела, начала нормальная жизнь налаживаться, а тут опять старуха из сказки на пороге! Оставался только Кощей. Тем более что и поговорить с ним по душам не мешало бы.

К нему в «Цветы» и отправилась Йогиня. Обитал Костик-Кощей, понятно, не в своей «Лемнискате жизни», но его адрес у старой знакомой был. Пока ждала маршрутку на остановке, задрогла и вспомнила нехорошими словами мэра города. Но потом отогрелась в пришедшем наконец пазике и сменила гнев на милость. К Кощею надо в хорошем настроении явиться.

– Принимай гостей! – сказала Йогиня опешившему хозяину небольшой, но обставленной по фэншую квартиры.

– А с тобой ещё кто-то? Не Рога ли? – встревожился Кощей.

– Со мной вот только этот боец. Полосатый, что тигр, – отозвалась гостя, демонстрируя «бойца».

– Ко мне, что ли, пристроить хочешь?

– Хочу. Только и от чашечки чая я бы не отказалась.

– Проходи-проходи! Это хорошо, что ты пришла...

Чай у Кощея был зелёный. С жасмином. Без сладостей,

ибо ЗОЖ. Но хоть горячий – и на том спасибо. А уж Йогиня расстаралась: пока хозяин отвернулся, подсыпала в чай травок заветных, для Лады захваченных. Пригодились! Свербели в Костике-Кощее невысказанные слова, на выход просились. А Йогиня не мешала, внимательно слушала. Где ещё такую информацию получишь? Из первых-то уст? А история получалась преинтереснейшая.

– Я ведь, Йогинюшка, ни сном ни духом, что у меня дочка-то есть. И вообще, дело это тёмное. Как меня к Роге тянуло – не передать. Уж на что я к колдовству устойчивый, а и меня проняло. Спал и видел, как бы скорее к сестрице твоей рогатой попасть. Только не понял сразу-то, что тому зелье виной. Думал – влюбился. Пока не нашёл её, не успокоился. А как отыскал, тут-то и началось самое интересное. Догадываешься, поди, каков я по молодости-то бывал: день на одном месте, второй – на другом. И везде милушки находились, всюду красавицы меня поджидали. Может, они о том и не знали... Но я без дела не сидел. Был, как говорят теперь, полигамным. Весьма. А тут, как у Роги очутился, так и пропала охота за порог выходить. Поверишь ли, отъедаться стал! Это я-то! И чем дольше жил у неё, тем больше забывал, что снаружи мир какой-никакой есть.

– Так-так...

– Кормила она меня пирогами да кашами, а мне всё больше да больше хотелось. Уж до того дошёл, что одышка появлялась, когда из-за стола вставал. «Нет, – думаю, – пора с

этим заканчивать. Какому такому витязю я бой смогу дать с пuzом наперевес?» И стал еду-то, как она отвернётся, за окошко выкидывать. А там то собаки, то кошки подбирали... И открылись у меня глаза, Йогинюшка. А может, не только глаза, но и чакры. И запах я почуял, ни с чем не перепутаешь...

– Дурман-трава?

– А ты откуда знаешь?

– Сдаётся мне, и сейчас Рога не уgomонилась, Кощеюшка.

И ты мне помочь должбн её на чистую воду вывести.

– Что делать-то надо?

– Для начала котёнка себе возьми. Заведёшь ему миску с водой, через неё будем связь держать. Телефону такое не доверишь, сам понимаешь.

– Пусть тогда «боец» твой Яблочком зовётся.

– ?

– Ну, катится яблочко наливное...

– А, да, точно. Как говорится, хоть груздем называй. Яблочко так Яблочко.

Уходила Йогиня довольной. И котёнка пристроила, и Рогу разоблачила. Ну почти. А что касается Костика-Кощея... Это же надо было догадаться полосатого котёнка Яблочком назвать! И это ещё он под хвост-то «бойцу» не смотрел. Ну ничего, имечко и кошке подойдёт. Когда всё выяснится.

Кстати о четвероногих и именах. Во-первых, надо наконец-то к работе возвращаться. А во-вторых, придумать, как

бы имя Яги себе не возвращать ни под каким видом. И ни под каким давлением, даже самым сдобным и вкусным.

Собственной персоной

Всякое создание зачем-нибудь да нужно. Всесильные боги, скажем, создавали мир и не давали ему погибнуть: каждый за что-то отвечал, переживал, болел даже. А всё потому, что несли они в себе толику человечности. Извечный вопрос о том, кто появился раньше – курица или яйцо, – на самом-то деле уступал по злободневности другому: боги или люди?

Легенд было предостаточно во все времена. Возник ли мир из Моря-окияна, породившего первых, забытых потом, богов и многочисленных духов, или из золотого яйца – «колыбели» Рода? Спросить-то не у кого. Не человеческое это дело – в божественных делах разбираться. Однако и существа высшие, мнившие себя бессмертными, не знали истины. Они помнили себя уже появившимися и страдали от того, что современные люди называют когнитивными искажениями. Внушить-то себе можно что угодно...

Было на белом свете существо, уверенное в том, что знает настоящую правду, незамутнённую. Потому что создал его сам Творец, своими собственными руками. И казалось, что даже сами всесильные длани, которым подвластна была вся вселенная, отпечатались в памяти этого существа. В нём (единственном!) воплотились энергия, мощь, сила двух стихий – воздуха и огня. Всё должно иметь форму, и, вероятно, подуставший к тому моменту Творец, не придумав ни-

чего нового, придал своему созданию вид птицы, перья которой могли вспыхивать. Бесполом было существо, ибо не планировал Создатель размножения для него. И одиноким, ибо есть у уникальности свои недостатки.

Была дана тому существу привилегия – могло оно самому себе выбрать имя. Долго летало оно по белу свету, присматривалось, и больше всего тянуло его к тем, чью форму повторяло, – к птицам. Заметило оно, что есть среди них самки и самцы, что производят они на свет потомство, но неравна роль их. Производила на свет яйцо – начало начал! – женская особь. И тогда решило создание Творца стать Жар-птицей. Не дано было ей (уже отныне только «ей») увидеть своего птенца, пробивающего сквозь скорлупу путь к свободе, к самой жизни. Но верила Жар-птица, что когда-нибудь и она сможет ощутить радость материнства. Попросить же у Создателя пару себе не дерзала она, ибо знала, что в ней одной соединены две стихии и что этим исчерпано желание Его.

Жар-птица смотрела сверху вниз не только на людей, но и на богов. Они происходят друг от друга, а она – от самого Творца. Кто, кроме неё, мог похвастаться, что помнит животворные длани? То-то и оно! Ссорились и мирились что боги, что люди, решали свои мелкие проблемы и радовались незначительным успехам. А Жар-птица жила в своё удовольствие, одного у неё не было – предназначения. И она вправе была ожидать, что оно у неё появится. Ведь у каждого существа на белом свете есть цель. Зачем-то да создана она, Жар-

птица?

И вот в тот день, когда умирал Сварог, она обрела цель, которой стала борьба с Тьмой. Жар-птица сразу почувствовала: это оно и есть, её предназначение. Как воздух, была она вездесуща. Как огонь, была она смертоносна. Но мало ей было того пламени, что несла в себе: подарил ей Сварог своё – светлое, животворящее. Не просто так, а с наказом. Раз в сто лет должна была она воплощаться в человеческом существе, которому предстояло с её помощью уничтожить предводителя Тьмы. Не давал Сварог наказа, в кого поселяться ей – в мужчину или в женщину. Но Жар-птица однажды уже сделала свой выбор.

Искала она девушек и женщин под стать себе – сильных, негибаемых. И особое удовольствие получала, когда заставляла их подчиниться ей в последний момент, перед битвой. Жар-птице не жалко было, когда сгорала плоть человеческая в последнем объятии с Тьмой. А всё потому, что и она страдала.

Что придется ей с видимым телом птичьим проститься – об этом Сварог сказал. Но не ведала она, что в первой же битве, победив чудище подземное, расколется на две части неравные. Одна – малая – в сердце, что от женщины осталось, застряла, вторая же – большая – отправилась под облака летать на бестелесных крыльях, ждать своего часа да выбирать ту, которая достойна будет Жар-птицу вместить. Увы, люди жили недолго... А часть малая потухла в трепе-

щущем и через сто лет сердце в тот самый момент, когда новое тело-вместилище сгорело. И было так каждый раз, снова и снова. Вот и получилось, что раз от раза меньше было огня у Жар-птицы. Пусть на чуточку самую, но всё же.

Битва за битвой, битва за битвой – и вот уже от прежней птахи огненной, пламенем светлым напитанной, остался огарок один. Конечно, о том никому не давала знать она. Да и непривычна была Жар-птица к разговору с богами. Слишком много им чести! Ей приятно было, конечно, что на неё одну все надежды возлагались. Но думала, хоть и нехотя, хоть и через силу, она о том, что однажды иссякнет вовсе Сварогов огонь в ней. И что может случиться это прежде, чем окончательно будет Тьма побеждена.

И ещё кое-что было: чувствовала Жар-птица, что души погибших в последнем пламенном объятии женщин общаются между собой. Недовольны они были тем, какую цену пришлось им заплатить за победу Света. И составили эти души обугленные силу общую, на дым от погасшего очага похожую. Вроде и бестелесные, но от воспоминания о них Жар-птице не по себе становилось. А ну как они в мир явятся, воплотятся? Думала-гадала она, возможно ли это. И к выводу пришла, что не стоит никому сердце бьющееся, от света белого схороненное, находить. Тогда и злой дым от Сварогова пламени дымом и останется. Чувствовала Жар-птица: оттого беды не случилось по сию пору, что никто и не догадывается о существовании того сердца.

А потом боги невежественные его отыскиали! На богатыря повесили, чтобы легче с Тьмой справиться. Не подумали, что от того произойти может. На их счастье, подсуежилась заранее Жар-птица, как знала...

Не было ни у одной из женщин, за многие века успевших её вместить в себе, детей. Виной тому была ревность Жар-птицы: ей матерью стать не дано, пусть и их та же участь не минует. Но в последние времена, чувствуя слабость нарастающую, решила она на эксперимент. Пусть, мол, родит Лина, да не абы кого, а двойню разнополую, и в каждом её птенчике частичка Сварогова огня тлеть до поры до времени будет. В детёнышах человеческих от рождения сил жизненных с лихвой заложено. Так, может, они способны и пламя в себе взрастить, преумножить? Тогда будет где Жар-птице возродиться сразу после битвы, а то уж надоело под облаками околачиваться век-вековской.

Но, опять же, всё не по плану пошло. В мальце Линином Сварог огонь проснулся нежданно-негаданно, а самое главное – не управляла им Жар-птица. Оказалось, что свершилось небывалое: вырос в мальчишке птенец огненный, самостоятельный. Несмышлёныш, да прыткий, сильный. Он-то и помог Жар-птице Ягу спалить и души обугленные в мир не пустить. Только вот очутиться в теле дочки Лениной им не довелось: своя там была хозяйка. Ещё один отпрыск Жар-птицы! Приходилось опять летать под облаками, но не одной – с птенцом.

Да и с тем самым сердцем, что на груди богатыря должно было в прах рассыпаться, неладно вышло. Чувствовала Жар-птица, что живёт душа Анны, предыдущей ей носительницы, разворачивается, а вместе с ней готовится воплотиться и весь дым Сварогова пламени.

Не думали светлые боги о том, что души погибших в огне женщин чувствуют. Не знали, что те – живые, пусть и по-своему. Что копят они недоброе век от века. Не тот самый страшный злодей, кто от рождения такой, а тот, кто хорошим был да во всём добром разуверился.

Многое повидала на долгом своём веку чудо-птица, самым Творцом созданная да взлелеянная. И понимала она, что творится неслыханное, о чём и помыслить было нельзя. То, что дочь её пробудилась в дочери Лилиной так скоро после битвы, было не по правилам, не по Свароговым установлениям. А раз начали законы неписанные, но крепко держащие мир в узде, нарушаться-рушиться, ничего хорошего от этого не жди. Осталась Лина в живых? Осталась. А её сын? Тоже. Даже богатырь целёхонек... И вроде бы это хорошо – по-человечески. Но что-то разладилось в устройстве света белого, и это сулит многие проблемы и даже, возможно, беды неминуемые.

Жар-птица, обучающая своего птенца премудростям жизни среди облаков, даже начала видеть сны. Отчего-то она приобрела свойства человеческие. И это тоже немного пугало. Жар-птица гнала от себя мысль, что крупно просчиталась

она сама. Да, силы на этот раз у неё не убавилось, огонь Сва-
рогов весь при ней остался. Даже больше того – она теперь
мать, о чём могла только мечтать.

Но не от того ли всё покатилося не по той колее? И, ка-
жется, под горку. Со всё возрастающей скоростью. И сопро-
вождалось всё это действие запахом дыма от обугленных жен-
ских душ. Исходил он от одного заброшенного, по всей ви-
димости, дома, от которого несло ещё и чем-то сладкова-
то-тленным. «Надо бы посмотреть, что там творится», – ре-
шила Жар-птица. У бестелесности есть свои преимущества.
Например, не надо дожидаться приглашения зайти в гости.
Можно заявиться собственной персоной – незримо.

Немного о рогах

Несправедливость – вот что самое обидное. Когда шесть твоих сестёр могут похвастаться если не прелестью, то миловидностью, а у тебя на голове красуются рога, ты не можешь не думать о своей горькой судьбинушке. Потом и другие мысли появляются. Например, становится любопытно, с кем это твоя матушка спуталась, что получилась ты именно такой – с изъяном.

Ответов на свои вопросы Рога тогда найти так и не смогла. Про отца (или отцов) своих дочерей матушка молчала. Не было их, мол, сама наколдовала себе потомство. И пойдди разбери, правда это или нет. «Зачем ты меня такой сделала?!» – много раз хотела крикнуть матери Рога, но сдерживалась. Потребовать убрать ненавистное уродство тоже не решалась. А ну как совсем сживут её со свету?

Что остаётся тебе, если ты не похожа на остальных? Совершенствоваться. Внешность меняется, ум остаётся. Рога поняла это раньше своих сестёр, даже Яги, которую матушка, не делая из этого интриги, готовила в свои преемницы. Можно шить-вышивать, можно со зверьём лесным пустые разговоры вести, можно с лешими шуры-муры крутить, можно над людьми издеваться – а можно и все свои силы бросить на изучение трав. Матушка искусна была, глупо спорить, да только и она не всё знала. Досуг ли ей? Дочери подраста-

ют, глаз да глаз за ними. Добрые молодцы, опять же, плодятся-множатся, никакого покою от них нет...

А Рога проводила почти всё время своё в полях и лесах. Сорвёт одну травку – и ну давай проверять, на что та способна. Сварить её или иссушить и в порошок стереть? Одну или сочетать с чем? Опять же надо было и то разумать, когда именно серпик специальный, заговорённый, в дело пускать: одни травы хорошо по росе срезать, другие – в полдень (время магическое не хуже полуночи!), третьи и вовсе при полной луне... Даже и то, в каких мешочках находки свои хранить, имело не последнее значение. А уж про слова заветные и вовсе молчок!

Стала Рога травницей непревзойдённой, только никому о том не сказывала. Через много веков слегка завесу приподняла, когда своим сестрицам про то, как Кошечка приворожила-присушила, рассказала. Только не было в её словах всей правды: ни к чему её на свет вытаскивать да в пустых разговорах полоскать. Тайна – она в тишине лучше всего сохраняется. А чем меньше знают дражайшие сестрички, тем лучше. Пусть держат её за дурочку, которая по глупости своей стала матерью-одиночкой и теперь доченьку пытается хоть куда пристроить. И пусть пирожки да каши лопают – сговорчивее будут.

Выбивало Рогу из равновесия лишь одно: никак не могла она найти способа вернуть Йогине (ну и прозвище, будь оно неладно!) имя прежнее, для них с Ягой столько веков общим

бывшее. Да и то сказать, что не случалось подобной нужды никогда. А Рога уж немолода, прежней прыти умственной нет в ней. Или к дочери обратиться? Может, она чего предложит. Пусть, в конце концов, докажет, что достойна войти в число семи самых сильных, пусть и успевших слегка потерять влияние, ведьм.

Дождавшись, пока делившая с ними каморку Домушки простушка Ежи захрапела, Рога шепнула дочери:

– Знаю, ты тоже думаешь о том, как этой дурище имя Яги вернуть. Есть ли с того толк?

Места сантиментам в словах матери никогда не отводилось. Ни ласкового слова, ни даже прозвища какого дочь из её уст не слышала. Впрочем, у неё даже имени не было от рождения. Привыкла уже. А потому и отозвалась немедленно, без недовольства:

– Должна она имя новое отринуть, да не просто так, а через смерть. Потом же родиться заново, там и наречение можно произвести.

Рога немного помолчала, оценивая услышанное, а потом зашептала в ответ:

– Мыслимое ли ты дело говорить? Убить сестру...

– Ритуально, матушка, всего лишь ритуально. Посадить в печь на лопате, потом вынуть. А вслед за ней и я на то же пойду. Не ты ли мне рассказывала, что вы так не раз с молодцами проворачивали?

– Тут было главное с пламенем не переборщить... Но пой-

дёт ли на это она?

– Приготовь ей особое кушание. С тройной дозой своей травушки. И остальных не забудь угостить.

– Что ж ты раньше-то молчала? Давно придумала?

– Недавно. Словно шепнул кто...

Не сказать, чтобы Роге это однозначно понравилось. Ещё меньше её устроила внешняя метаморфоза дочери. Притерпевшись к темноте, ведьма заметила, что бараньи прежде рога её девочки превратились в бычьи – сначала аж в три пары, но потом лишние исчезли. Сама же молодуха, кажется, ничего не почувствовала. Может, и обратно в бараньи переменятся. Но, как бы то ни было, благодаря увиденному Рога укрепилась в правоте своей: не так давно она догадалась, кажется, кто являлся её собственным отцом. Он был явно покруче Кощея, и то, что в её дочери сошлись гены столь могущественных существ, было явно на руку. Им обоим. Только бы правильно воспользоваться...

О важности дальнейших шагов в этот самый момент думала и обладательница ушей, удачно оказавшихся у самой двери каморки. Когда перестаёшь обжираться пирогами с дурман-травой, разум как-то проясняется. «Я вам устрою ритуальную смерть в печи... И пламяотрегулирую, не волнуйтесь, гости балканские», – прошептала Йогиня. Если бы она видела, что происходит с рогами племянницы, её намерения претерпели бы изменения. Но что поделаешь, иногда полагаться приходится только на слух!

С точки зрения таракана

Есть в жизни таракана один существенный минус – поговорить не с кем. Слишком уж противно с тобой общаться, оказывается. Мало того, почему-то каждый норовит уничтожить. Только ты усы показал – и тебя тут же тапкой накрыло. Или ещё чем. Со всей дури, с явным намерением стереть с лица земли. Неправильно это как-то. По крайней мере, с точки зрения таракана.

Блаженный миг, пока о твоём существовании ещё не узнали, разбивается о желание пообщаться – иррациональную, если разобраться, штуку. Сидел бы себе да сидел, «починял примус», подворовывал крошки. Ну или жизненную энергию, это как повезёт. Ан нет – тянет на разговор.

Аполлинарий Никандрович был тараканам сродни. Ещё со времён домовства обязанностью избавлять избу от недружественных насекомых он того... манкировал, вот. Потому как ему эти самые шестилапые и дюже любопытные создания были своими. Может, и не друзьями, но товарищами по духу. И когда люди принимались «пруссаков» вымораживать в лютую стужу, тогда ещё безымянный домовый усатых отогревал, погибнуть не дал. Может, конечно, его именно из-за этого на новое жильё-то и не позвали. Но это на людской совести, раз уж им не повезло, что она у них есть. А он и в городе неплохо устроился.

Жаль, оборачиваться тараканом у Аполлинария Никандровича не получалось. С другой стороны, в этом были свои плюсы: его не могли ненароком раздавить. А вездесущность насекомых ему на руку была, его нуждам служила, ибо повсюду они были его глазами и ушами. Удобно! Одного такого любопытного прибьют – другой подменит, менее общительный и более здравомыслящий.

По зимнему времени власть Аполлинария Никандровича распространялась только на его дом, ибо тараканы чего-чего, а мороза не терпели, не было у них желания по снегу бегать. Но уж тут-то он был полноценным хозяином! И сразу узнал о том, что в его крепость, которая раньше и даром никому не была нужна, проникли посторонние. Да к тому же необычные: по словам одного таракана, в меру осторожно и в меру же прыткого, гости были незримые и... жаром пышущие. Любопытненько! Надо бы и самому понаблюдать. Исподтишка, конечно же.

Настроился как следует, вдохнул широкими и – пardon! – волосатыми ноздрями прохладный воздух, пошевелил усами... Есть! Не им, видать, заинтересовались гости, и это Аполлинарию Никандровичу на руку. Окромя него да тараканьего племени, тут только его жилец. Который и самого хозяина ох как интригует! Раньше от его чадающей печки-буржуйки и вызванных ею видений никто не уходил, а этот, Никитой назвавшийся и сам с собой вслух беседы ведущий, ускользнул. И помогла ему какая-то баба. Откуда взялась?

Поди разберись! Сложноватенько. А разобраться надо. Так может, гости-то незримые и помогут?

Тараканы видят и слышат больше, чем считают люди. Оттого-то они (не люди, разумеется, ещё чего!) и переживут ожидаемый который век Апокалипсис. Вот и Аполлинарий Никандрович, бывший тараканам в некоторой степени уже сродни, услышал разговор, никакому человеческому уху не доступный:

– Мам, а кто здесь живёт? Люди?

– Сейчас узнаем, потерпи, мой птенчик. Кажется мне, что кто-то знакомый.

Немного молчания, а потом снова голоса, уже из комнаты жильца:

– Так и есть. Это Никита.

– Кто?

– Помнишь богатыря, который с нами Ягу одолел?

– Тот в доспехах был. Блестящих! Это не он...

– Мал ты ещё. Подрастёшь – поймёшь, что дело не во внешности.

– Да, вроде похож. Если приглядеться. А чем это от него пахнет?

Аполлинарий Никандрович аж присел: неужто чад от его буржуйки по сию пору несётся? Эдак и его самого, неровен час, обнаружат! Но тут же мысли его приобрели совершенно иное направление. А всё из-за слов той, что, по всей видимости, была матерью своего собеседника:

– Так пахнет от душ женщин, вмещавших меня и погибших в битвах с Тьмой. Это дым от Сварогова пламени.

– Какой горький... А много их было?

– Много, мой родной, и не сосчитать. А ещё больше накопили они боли и обиды, гнева и жажды мщения.

– Но ведь Петя, в котором я пробудился, и мать его живы остались?

– Да, но это впервые. Все остальные души собрались, как понимаю, здесь.

– В этом богатыре?!

– Сама не знаю, как так получилось, но чувую, что не к добру это. И рассказать никому не могу. Может, хоть самой что удастся...

– Нам вместе, мам! Я ведь тоже сильный! Без меня бы Ягу не победили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.